

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

12

---

1 9 6 1

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

12

1961

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ТОШКЕНТ

ТАШКЕНТ

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР И. М. МУМИНОВ (*редактор*), акад.
АН УзССР Х. С. СУЛАЙМАНОВА (*зам. редактора*), акад.
АН УзССР К. Е. ЖИТОВ, член-корр. АН УзССР Я. Г. ГУ-
ЛЯМОВ, член-корр. АН УзССР А. И. ИШАНОВ, член-корр.
АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, доктор ист. наук А. Х. БА-
БАХОДЖАЕВ, доктор экон. наук О. Б. ДЖАМАЛОВ, канд.
ист. наук С. А. АЗИМДЖАНОВА, канд. филол. наук
А. П. КАЮМОВ, канд. ист. наук Б. В. ЛУНИН, канд.
филол. наук М. Н. НУРМУХАМЕДОВ, Б. И. КНОПОВ
(*отв. секретарь*).

**«СОЗДАНИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ
КОММУНИЗМА, РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ОБ-
ЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛО-
ВЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА — ТАКОВЫ
ВАЖНЕЙШИЕ ЗАДАЧИ, СТОЯЩИЕ ПЕРЕД ПАРТИЕЙ
В ОБЛАСТИ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ В ПЕРИОД РАЗ-
ВЕРНУТОГО СТРОИТЕЛЬСТВА КОММУНИЗМА».**

*Из Резолюции XXII съезда
Коммунистической партии
Советского Союза по Отчету
Центрального Комитета
КПСС.*

УЧЕННЫЕ ГОРЯЧО ОДОБРЯЮТ ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ XXII СЪЕЗДА КПСС

Как и весь советский народ, ученые Узбекистана с огромным воодушевлением и горячим одобрением восприняли исторические решения XXII съезда КПСС и принятые съездом новые Программу и Устав партии.

В ноябре 1961 г. во всех институтах Отделения общественных наук АН УзССР прошли открытые партийные собрания, заслушавшие доклад вице-президента АН УзССР И. М. Муминова об итогах XXII съезда КПСС и задачах дальнейших исследований в области общественных наук. В прениях по докладу выступило свыше 30 человек (С. А. Азимджанова, Я. Г. Гулямов, М. Г. Пикулин, Х. С. Сулейманов, М. М. Хайруллаев, В. А. Шишкин, М. Ю. Юлдашев и др.). Выступавшие товарищи единодушно одобрили решения XXII съезда партии и внесли ряд ценных предложений по улучшению научно-исследовательской работы институтов Отделения общественных наук АН УзССР.

Принятые партийными собраниями резолюции горячо одобряют решения и резолюции XXII съезда КПСС; гневно осуждают окончательно разгромленную съездом антипартийную фракционную группу Молотова, Кагановича и др.; указывают на необходимость глубокого изучения и пропаганды исторических решений XXII съезда партии, которые должны лечь в основу деятельности институтов Отделения.

Ученые заверяют родную партию, ее ленинский Центральный Комитет во главе с Н. С. Хрущевым, что они отдадут все свои силы великому делу строительства коммунизма в нашей стране.

Х. С. СУЛАЙМАНОВА

ДАЛЬНЕЙШЕЕ УКРЕПЛЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ XXII СЪЕЗДА КПСС

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза — величайшее событие современности — навсегда войдет в героическую историю нашей партии и народа, в историю всего человечества. Исторические решения съезда с огромным удовлетворением восприняты не только советскими людьми, трудящимися стран социалистического лагеря, но и народами капиталистических, колониальных и зависимых стран, ведущими тяжелую борьбу против тьмы и рабства, голода и войны, за свободное, мирное, счастливое будущее.

XXII съезд партии не только подвел величественные итоги борьбы и побед советского народа под руководством Коммунистической партии, но и открыл ясные, светлые перспективы движения человечества по пути к коммунизму.

В принятой съездом Программе КПСС получило дальнейшее творческое развитие революционное учение Маркса, Энгельса, Ленина, дано глубокое экономическое и политическое обоснование построения коммунистического общества в СССР.

На XXII съезде получило дальнейшее развитие и марксистско-ленинское учение о социалистическом государстве и праве, вопросы формирования коммунистических отношений и воспитания нового человека. Съезд вооружил представителей юридической науки и практиков-юристов конкретной и ясной программой действий, полностью отвечающей требованиям эпохи, задачам построения коммунизма. Нет ни одного пункта в Программе партии, который не имел бы огромного значения для юридической науки и практики.

Замечательно сказано в Программе о роли правовых норм и необходимости их совершенствования. Здесь прямо указывается на важность совершенствования правовых норм, регулирующих хозяйственно-организаторскую и культурно-воспитательную работу, содействующих успешному решению задач коммунистического строительства и всестороннему расцвету личности. Эти вопросы представляют собой большую теоретическую и политическую проблему.

Сложные и трудные задачи стояли перед социалистическим государством и правом в период классовых битв, в суровые годы гражданской и Великой Отечественной войны. Однако и ныне, в годы мирного труда, роль советского права отнюдь не уменьшилась. Вопрос дальнейшего укрепления социалистической законности приобрел огромное значение сейчас, когда страна решает колоссальные задачи строительства коммунизма.

Последние годы были особенно благоприятными для укрепления социалистической законности в нашей стране. Исторические решения

XX и XXI съездов КПСС, решительная борьба партии с последствиями культа личности, восстановление ленинских норм социалистической законности — все это внесло свежую струю в нашу судебную практику и правовую науку.

Весь советский народ, все прогрессивные люди мира с большим удовлетворением встретили осуждение культа личности и окончательное разоблачение и идейный разгром антипартийной группы Молотова, Кагановича, Маленкова и др. на XXII съезде КПСС.

От культа личности, от искажений ленинских норм партийной и государственной работы, от извращений социалистической законности тяжело пострадали многие люди во всех союзных республиках, в том числе в Узбекской ССР.

Ошибочное утверждение Сталина о том, что по мере роста успехов социализма все более будет обостряться классовая борьба, нанесло большой вред теории государства и права, а также практике советского социалистического правосудия. Несмотря на ликвидацию эксплуататорских классов и победу социалистического строя в нашей стране, исходя из этого ошибочного положения, совершались необоснованные массовые репрессии против честных советских людей.

Немало вреда нашей юридической науке и судебной практике принесло данное Вышинским определение понятия права, в котором совершенно игнорировалось ленинское положение о воспитательной роли советского права. Ошибка Вышинского в его «теории» о признании обвиняемого, как решающем доказательстве по делам о государственных преступлениях, привела на местах к произволу в судебно-следственной практике.

Во времена культа личности в республике царил невыносимая мелочная опека, атмосфера подозрительности и недоверия. Горькое чувство охватывало советского человека, когда арестовывали невинных людей и без суда лишали их личной свободы.

Но эти тяжелые времена навсегда ушли в прошлое. Партия решительно осудила все беззакония и произвол, чуждые духу марксистско-ленинского учения, восстановила справедливость в отношении невинно пострадавших людей, жертв произвола.

Коммунистическая партия уделяет огромное внимание укреплению социалистической законности и исправлению ошибок, допущенных при господстве культа личности. Директивы партийных органов по вопросам социалистической законности вооружили судебных работников надежным идейным компасом, дали им ясное видение и глубокое понимание задач социалистической законности и правосудия на современном этапе.

Выполняя решения XX и XXI съездов партии, Центральный Комитет КПСС осуществляет курс на расширение и укрепление суверенитета союзных республик в области хозяйственной и культурной жизни, а также законодательной деятельности. Верховный Совет СССР принял Закон об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, права принятия уголовного, гражданского и процессуальных Кодексов.

21 мая 1959 г. вторая сессия Верховного Совета Узбекской ССР пятого созыва приняла Закон о судеустройстве Узбекской ССР и утвердила уголовный и уголовно-процессуальный Кодексы республики, которые введены в действие с 1 января 1960 г.

В Кодексы включено много новых положений, вытекающих из решений XX и XXI съездов партии, последующих указаний ЦК КПСС и общесоюзных законодательных актов; в них учтена богатая судеб-

ная практика и предусматривается повышение роли общественности в укреплении социалистической законности и правопорядка.

Новый Уголовный Кодекс Узбекской ССР предусматривает смягчение наказания по ряду преступлений и дает широкую возможность для применения мер наказания, не связанных с лишением свободы, а также условного осуждения за преступления, не представляющие большой общественной опасности.

Это обязывает суды при назначении наказания учитывать личностные виновного, степень опасности преступления, смягчающие вину обстоятельства и определять такую меру наказания, которая наилучшим образом обеспечивала бы исправление и перевоспитание осужденного.

В целях усиления роли общественности в борьбе с нарушениями советской законности и правил социалистического общежития в ряде статей Кодекса предусматривается уголовное наказание лишь за повторно совершенное общественно-опасное деяние, после применения мер общественного или административного воздействия.

Лишение свободы не должно применяться к лицам, совершившим малозначительное преступление, исправление которых может быть осуществлено при условном осуждении или передаче их общественным организациям и коллективам трудящихся для исправления и перевоспитания.

В новом Уголовном Кодексе Узбекской ССР получил дальнейшее развитие институт условного осуждения, имеющий большое воспитательное значение.

В настоящее время в республике продолжается работа по подготовке новых кодексов: Гражданского, Гражданско-процессуального, Земельно-водного, Исправительно-трудового. Вся эта работа по совершенствованию и систематизации правовых норм имеет огромное значение для укрепления социалистической законности.

На XXII съезде партии правильно был поднят вопрос о том, что в действующем законодательстве имеется ряд давно устаревших норм, есть вопросы, которые требуют глубокой теоретической разработки, и вопросы, требующие законодательного решения.

Эта критика полностью относится и к юристам Узбекистана. У нас очень медленно идет подготовка проектов новых кодексов, а нормы действующих кодексов во многом устарели.

На съезде был поднят вопрос об уголовной ответственности работников государственных и общественных учреждений за проявление бюрократизма. Действительно, бюрократизм не только подрывает авторитет наших государственных органов и общественных организаций, но и наносит серьезный материальный ущерб нашему обществу, а также отрицательно сказывается на воспитании советских людей. Поэтому совершенно правильным было включение в новый Уголовный Кодекс Узбекской ССР нормы, предусматривающей уголовную ответственность за бюрократическое отношение должностного лица к выполнению служебных обязанностей.

На XXII съезде КПСС были подвергнуты справедливой критике ученые-юристы за то, что они не сосредоточивают свои силы на разработке наиболее важных и актуальных вопросов государства и права и очень далеки в своих научных исследованиях от практической деятельности государственных органов.

Из этой критики мы должны сделать необходимые выводы и пересмотреть планы научно-исследовательских работ. Надо больше заниматься исследованием тех вопросов государства и права, которые

представляют особый интерес для практики советского государственного строительства и дальнейшего нормотворчества республиканских и общесоюзных законодательных органов.

Наши научные исследования должны быть тесно связаны с жизнью, с практикой государственных органов и общественных организаций. Практика играет важную роль в совершенствовании советских законов, она подтверждает на опыте жизненность и целесообразность тех или иных правовых норм.

В докладах и выступлениях руководителей партии и правительства, в речах делегатов XXII съезда КПСС звучала большая партийная заинтересованность в дальнейшем укреплении социалистической законности и развитии науки Советского государства и права.

Дух съезда с его творческим, новаторским подходом к сложнейшим вопросам современности, с ленинской смелостью в разоблачении всего отжившего, мешающего движению вперед, с нетерпимостью к догматизму — несомненно окажет огромное благотворное влияние на решение задач, стоящих перед юристами нашей страны.

Великое дело строительства коммунизма, жизненные интересы членов нашего общества требуют искоренения всяких нарушений правопорядка, ликвидации преступности и полного устранения причин, ее порождающих.

Капиталистический строй неразрывно связан с преступностью. Его существование невозможно без совершения преступлений, ибо капиталистический строй держится на грабеже миллионов трудящихся, плоды труда которых присваиваются паразитическими классами.

Преступность — неотъемлемый атрибут эксплуататорского общества; ей нет места в обществе, построенном на коммунистических началах. Преступность и коммунизм — не совместимы. В новой Программе КПСС подчеркивается, что в обществе, строящем коммунизм, не должно быть правонарушений и преступности.

Ликвидация преступности — очень сложная и трудная задача, охватывающая все стороны человеческой деятельности. В положительном решении этой задачи кровно заинтересованы все члены нашего общества. Ликвидация преступности и всех причин, ее порождающих, — это благородная, гуманная цель, яркое проявление заботы о человеке, которому должны быть созданы все условия для спокойного труда и пользования всеми благами нашего строя.

В этой связи приобретает огромное значение дальнейшее укрепление социалистической законности и правопорядка, полное искоренение преступности и устранение всех причин, ее порождающих, воспитание трудящихся в духе добровольного исполнения своих обязанностей, ведущее к органическому соединению прав и обязанностей членов нашего общества в единые нормы коммунистического общежития.

В то время как буржуазная «законность» все больше деградирует и разлагается, советская социалистическая законность непрерывно укрепляется и совершенствуется. Сметаются все преграды, мешающие свободному развитию личности, широкие массы играют решающую роль в управлении государством, в руководстве его экономической и культурной жизнью, укреплении социалистической законности и правопорядка в нашей стране.

В делах и поведении большинства советских граждан давно уже воплощены все нормы морального кодекса строителей коммунизма. Они живут и работают так, как этого требуют высокие нравственные принципы нашего общества. Величественное здание коммунизма воздвигается их упорным трудом. Высокая коммунистическая сознатель-

ность, трудолюбие и дисциплина, преданность общественным интересам лежат в основе любого дела, совершаемого советскими людьми во имя строительства коммунистического общества.

Программа партии призывает советского человека к душевной чистоте и благородству, к добросовестному труду, сохранению и умножению общественного достояния, высокому сознанию общественного долга, нетерпимости ко всяким нарушителям общественных интересов.

Коммунистическое воспитание советского человека, борьба с пережитками прошлого в сознании людей всегда находились в центре внимания нашей партии и государства. И в этом деле большую роль призваны сыграть наши судебные органы.

Коммунистическая партия, придавая важное значение борьбе с преступностью на данном этапе коммунистического строительства, требует применения строгих мер наказания к лицам, совершающим опасные для общества преступления, нарушающим правила социалистического общежития, не желающим приобщаться к честной трудовой жизни.

Принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями» полностью соответствует требованиям Программы КПСС о решительной борьбе с общественно опасными преступлениями.

По советскому законодательству, суровому наказанию подлежат лица, совершившие шпионаж, диверсию, террористический акт, бандитизм, подделку денег и ценных бумаг в виде промысла, умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, хищение государственного и общественного имущества.

В свете положений новой Программы партии особое значение приобретают в судебной практике вопросы правильного применения наказания, умелого сочетания убеждения и принуждения в борьбе с преступностью, установления причин совершения преступления.

Наказание в социалистическом государстве является мерой государственного принуждения. На данном этапе коммунистического строительства оно является необходимой, но не главной, а вспомогательной мерой борьбы с преступностью. В. И. Ленин еще в 1918 г. указывал в наброске статьи «Очередные задачи Советской власти»: «Нам нужно государство, нам нужно принуждение; органом пролетарского государства, осуществляющего такое принуждение, должны быть советские суды. И на них ложится громадная задача воспитания населения к трудовой дисциплине»¹.

Ленинское положение о сочетании кары и воспитания легло в основу советского уголовного права и судебной практики по уголовным делам.

В действующем законодательстве прямо указывается, что наказание является не только карой за совершенное преступление, но средством исправления осужденных и перевоспитания их в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития. Наказание имеет также цель предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами.

Советское социалистическое право — самое гуманное право, которое знало человечество в классовом обществе, самое справедливое право, выражающее интересы и идеалы трудящихся масс. Оно развивается на протяжении четырех с лишним десятилетий под руковод-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 27, стр. 191.

ством партии самими народными массами — подлинными творцами истории. В ходе строительства социализма и коммунизма советское социалистическое право обогащается новыми принципами, новым содержанием.

Коммунистическая партия проделала огромную работу по укреплению социалистической законности и правопорядка. Успехи, достигнутые в создании, развитии и укреплении социалистической законности, сделали для нас настолько привычными, что мы подчас не осознаем всей глубины и новизны их на историческом пути человеческого общества.

Коренные социальные причины преступности — эксплуатация человека, безработица, нищета и т. д. — у нас давно уже уничтожены. Поступательное движение нашего общества по пути к коммунизму, бурный рост его производительных сил, развитие социалистических производственных отношений привели к глубоким социально-экономическим изменениям, крутому подъему материального благосостояния, росту культуры и повышению сознательности народных масс.

Все это благотворно повлияло на сокращение преступности в нашей стране. Ввиду полного исчезновения ряда правонарушений и преступлений против порядка управления, хозяйственных, должностных и других преступлений стало возможным не включать в новый Уголовный Кодекс УзССР 95 статей, имевшихся в старом Кодексе и предусматривавших различные составы уголовно-наказуемых деяний.

Если учесть, что некоторые из этих статей содержали несколько составов преступлений, то станет ясно, что круг уголовно-наказуемых деяний по новому Кодексу значительно сузился.

Коренное изменение социальных условий, повлекшее за собой исчезновение многих видов преступлений, направленных против раскрепощения женщин, позволило не создавать в новом Кодексе особую главу по этим категориям преступлений, как это было в старом Кодексе.

У нас получили дальнейшее развитие демократические принципы социалистического права, повышается роль общественности в укреплении законности и правопорядка. В борьбе с преступностью и нарушениями общественного порядка все большую роль играют наши общественные организации и сами граждане. Претворяется в жизнь ленинская мечта о том, чтобы каждый гражданин мог участвовать и в обсуждении законов государства, и в выборе своих представителей, и в осуществлении государственных законов на практике.

Важнейшую роль в борьбе с преступностью играют предупредительные, воспитательные меры, устранение причин, способствующих совершению преступления. Профилактика и воспитательная работа — это основная форма борьбы с преступлениями.

Советское социалистическое право содействует созданию материально-технической базы коммунизма, преобразованию социалистических отношений в коммунистические, постепенному перерастанию социалистического труда в труд коммунистический. Советское социалистическое право будет, как и прежде, надежно охранять социалистическую собственность, права и свободу советских граждан, укреплять социалистический правопорядок, содействовать воспитанию народных масс в духе сознательной дисциплины.

Процесс перерастания норм права в правила коммунистического общежития находится в диалектическом единстве с процессом дальнейшего развития экономического фундамента нашего общества, преобразования социалистических отношений, изменения классовой

структуры общества, политической и духовной жизни нашей страны. Этот процесс тесно связан также с дальнейшим развитием, совершенствованием социалистической демократии и последующим преобразованием социалистической государственности в общественное коммунистическое самоуправление.

Ученые-юристы должны исследовать вопросы, касающиеся конкретных форм и путей дальнейшего развития советского права, его роли в формировании и развитии коммунистических общественных отношений; перерастания норм права в правила коммунистического общежития; соотношения права и морали; конкретных путей и методов внедрения в сознание людей принципов морального кодекса строителей коммунизма; эффективных методов борьбы с преступностью, усиления роли общественности в осуществлении правосудия и т. д.

Успешная разработка всех этих проблем обогатит марксистско-ленинскую теорию права новыми важнейшими научными выводами.

«Все во имя человека; для блага человека» — этот лозунг партии, воплощенный в глубочайшем гуманистическом содержании новой Программы КПСС, должен быть положен в основу основ укрепления советской социалистической законности и правопорядка.

Е. М. ГРИНБЕРГ

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ УЧЕНЫЙ-ЭНЦИКЛОПЕДИСТ

«Ломоносов страстно любил науку, но думал и заботился исключительно о том, что нужно было для блага его родины, он хотел служить не чистой науке, а только отечеству».

Н. Чернышевский

Исполнилось двести пятьдесят лет со дня рождения великого сына русского народа, гениального философа-материалиста и естествоиспытателя, писателя-гуманиста и общественного деятеля, поборника отечественного просвещения Михаила Васильевича Ломоносова. Вместе с советским народом эту замечательную дату широко отметило все прогрессивное человечество.

Вся жизнь Ломоносова была великим подвигом во имя процветания отечественной науки, во славу горячо любимой им Родины, беспримерным образцом подлинного научного горения, беззаветного служения своему народу.

Кипучая деятельность Ломоносова составила целую эпоху в развитии науки и явилась ярким символом тесной связи науки с жизнью.

За свою короткую жизнь М. В. Ломоносов успел совершить столько научных открытий, осуществил столько изобретений, что трудно найти во всей предшествующей мировой истории другого человека таких огромных и плодотворных дерзаний, творческих подвигов.

Будучи универсально образованным человеком, в равной мере сильным в области и гуманитарных и естественных наук, великий ученый охватил в своем творчестве все отрасли знаний того времени: физики и химии, геохимии и физической химии, минералогии и кристаллографии, математики и астрономии, геологии и географии, океанографии и биологии, метеорологии и астрофизики, техники и экономики, краеведения и истории, литературы и языкознания.

К рассмотрению явлений природы Ломоносов подходил строго материалистически, опираясь на достижения современного ему естествознания. Основной вопрос философии он решал материалистически: материальный мир существует вне и независимо от сознания. Явления природы он стремился объяснить на основе изучения законов самой природы, исключая ссылки на сверхъестественные силы.

М. В. Ломоносов создал цельное научное представление о природе, исходя из атомистических принципов, и творчески применил эту оригинальную теорию к решению важнейших проблем науки. Д. И. Менделеев в своих «Основах химии» писал: «Ломоносов в 1742-1747 гг., т. е. на 20 лет ранее Восковича, высказал убеждение в атомном строении веществ и его представления сходны с тем, что ныне признается большинством химиков и физиков»¹.

Ломоносовская атомистическая теория, названная им «корпускулярной теорией», была построена на материалистическом принципе

¹ Д. И. Менделеев, Основы химии, т. 1, М., 1932, стр. 335.

Михаил Васильевич Ломоносов.

атомистики Бойля и Ньютона с критическим отношением к механистическому характеру их учения. Взгляды великого русского ученого отличались от натурфилософии Эпикура, а также от атомистики Лейбница и Вольфа, считавших, что атомы-монады являются духовными «первичными сущностями», продуктом излучения божества. Хотя во взглядах Ломоносова были еще элементы механистической атомистики, принципиально новым и существенным в его учении было положение о неразрывности материи и движения.

Применяя новую атомистику к различным отраслям знаний, к объяснению «белых пятен» науки своего времени, М. В. Ломоносов сделал ряд научных выводов, прочно вошедших в сокровищницу человеческих знаний о природе. Так, в «Размышлениях о причине теплоты и холода» и в ряде других работ он доказывал, что теплота — это движение частиц вещества, отбрасывая идеалистическую, антинаучную «теорию» о теплороде — жидкости, которая якобы переливается в нагреваемые тела.

Взор гения позволил М. В. Ломоносову открыть, теоретически и экспериментально обосновать «всеобщий естественный закон» сохранения вещества и движения, по праву именуемый законом Ломоносова.

Считая, что опыт без теории слеп, Ломоносов говорил: «Истинный химик должен быть теоретиком и практиком»². В единстве опыта и теоретического мышления, практики и теории — великая сила ломоносовского гения.

Уже в 1742 г. М. В. Ломоносов задумал создать химическую лабораторию, в которой должны были решаться наряду с теоретическими проблемами и задачи «практической химии». В этой первой в России научно-исследовательской лаборатории ученый производил различные химико-технологические опыты, занимался исследованием стекла, бисера, фарфора, мозаичных смальт, селитры, пороха, зеркальных составов, красок и т. д.

Свои многочисленные эксперименты Ломоносов тесно связывал с подготовкой курса химии, который он читал впоследствии студентам в стенах химической лаборатории. В донесении в конференцию Академии наук 11 мая 1752 г. он писал: «В химических моих лекциях, которые я должен читать учащемуся юношеству, я считаю очень полезным присоединять, где возможно, к химическим опытам физические»³. Для выполнения обширной и необычной для того времени программы физико-химических опытов Ломоносов изобрел ряд новых приборов, не потерявших до сих пор своего практического значения.

Благодаря трудам великого русского ученого исследования жидкостей, кристаллов, стекол и других прозрачных веществ по их показателю преломления получили в наше время широкое распространение в работах физиков и химиков всего мира, а рефрактометр стал важнейшим прибором лабораторий научно-исследовательских институтов и промышленных предприятий, занимающихся исследованием и изготовлением естественных и синтетических кристаллов, оптического стекла и т. п.

Новаторским для своего времени было определение М. В. Ломоносовым задач и целей науки. Задачей науки он считал достижение пользы для промышленного дела, ремесел, «художеств», всего хозяйства и населения страны. Ломоносов требовал тесной связи науки с запросами

² М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 1, М., 1950, стр. 71.

³ См. Б. И. Меншуткин, Жизнеописание М. В. Ломоносова, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947, стр. 138.

техники, земледелия, торговли, с потребностями населения в области культуры, искусства, быта, и «на века оставил своей Родине пример того, как наука может и должна служить народу» (С. И. Вавилов).

В разносторонней деятельности М. В. Ломоносова особое место занимают труды в области географии. Он заботился о подготовке новых кадров русских геодезистов и картографов, руководил их работами. Великий ученый подготовил маршруты астрономо-географических экспедиций, охвативших почти всю Россию. Он выполнил колоссальную работу по подготовке материалов для нового атласа географических карт страны. В 1763 г. Ломоносов создал «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показания возможного проходу Сибирским океаном в восточную Индию», где впервые научно обосновал возможность прохода кораблей вдоль северного побережья Европы и Азии в Тихий океан.

В 1759 г. Ломоносов написал «Рассуждение о большей точности морского пути», посвященное мореходной астрономии, описанию изобретенных им приборов, а также «ученому мореплаванию», где изложил, исходя из собственных наблюдений, теорию морских течений и сделал ряд важных открытий для мореходства.

В своей работе «Явление Венеры на солнце», написанной на основе наблюдений в 1761 г. за прохождением Венеры по солнечному диску, Ломоносов первым сделал вывод о наличии атмосферы на Венере.

Наблюдая за «вольными движениями воздуха в рудниках», он впервые открыл восходящие и нисходящие движения воздуха, о чем и доложил в 1745 г. на заседании Академии наук. В результате дальнейших исследований природы вертикальных движений и различных атмосферных явлений — молний, смерчей, морозов, оттепелей — он создал в 1753 г. выдающийся труд по метеорологии — «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих».

Ломоносов решил опытным путем выяснить условия перемещения различных по температуре слоев верхней части атмосферы. Свой неслыханный в то время по трудности научный эксперимент ученый задумал осуществить с помощью самопишущих приборов, поднимаемых в воздух специальным летающим аппаратом, который — в отличие от современных шаров-зондов и воздушных змеев — должен был летать в заданном направлении, а не туда, куда его гонит ветер или пускает веревка воздушного змея. Так впервые в истории исследования атмосферы родилась гениальная идея аэрологических наблюдений с помощью самопишущих приборов.

Для осуществления своей идеи Ломоносов разработал конструкцию летающего аппарата, названного им «аэродромической машиной». Как свидетельствуют документы, в 1751 г. Ломоносов построил в Петербурге первую в России «метеорологическую с самопишущими приборами обсерваторию» и систематически проводил метеорологические наблюдения. Из дошедших до нас саморегистрирующих метеорологических приборов, созданных Ломоносовым, большой интерес представляют анемометр, предназначенный для определения скорости и направления ветра, геликоптер, газовый барометр и др.

Ломоносов явился автором первого русского печатного произведения, посвященного составной части порохов того времени — селитре, изучал действие ее в составе пороха и предложил свою схему аппарата для выварки селитры, изложив все операции по ее изготовлению.

Особое место в творчестве ученого занимают исследования образцов соли из соляных озер, а также в области строительства заводских

предприятий, промышленных печей и механических установок. В 1753 г. он создал первое в России промышленное предприятие для производства бисера, мозаичных смальт, стекляруса и других изделий из цветных стекол.

Ломоносов проектировал и руководил строительством печи для изготовления стекла, конструировал станки для производственных изделий, изобретал инструменты и разработал технологические процессы, обеспечившие успешную работу созданного им предприятия. Предложенная им техника изготовления мозаичных картин имеет огромное значение для нас в связи с необходимостью создания новых, советских произведений искусства, которые смогли бы на протяжении веков повествовать о величии нашей эпохи. Замечательным памятником, созданным на основе этих работ Ломоносова, является грандиозная мозаичная картина «Полтавская баталия», находящаяся ныне в главном здании Академии наук в Ленинграде.

Прокладывая новые пути в науке, Ломоносов страстно боролся против всяких шаблонов и трафаретов, рабского преклонения перед иностранными авторами и слепого копирования зарубежных изобретений. «Сами свой разум употребляйте, — писал он. — Меня за Аристотеля, Картезия, Ньютона не почитайте. Ежели вы мне их имя дадите, то знайте, что вы холопы; а моя слава падет и с вашею»⁴.

Великий русский ученый-патриот вел многолетнюю героическую борьбу с реакционными силами послепетровской царской России, с «неприятелями наук российских», религиозными мракобесами и реакционерами всех мастей за процветание самостоятельной русской науки. Говоря словами В. Г. Белинского, обширная и многогранная деятельность Ломоносова в различных областях науки показала, «что гений умеет торжествовать над всеми препятствиями, какие не противопоставляет ему враждебная судьба...»⁵.

Борясь против мракобесов в рясах, Ломоносов использовал самые различные формы — от серьезных научных трактатов до поэтических произведений. Его известный «Гимн бороде» едко высмеивал церковников, считавших бороду непременным знаком своего достоинства. «Борода» в стихотворении Ломоносова — это символ реакции, мракобесия и невежества, это духовенство, выступающее против передовой науки и просвещения.

Церковники, реакционеры и литературные враги ученого требовали публичного уничтожения стихотворения и сурового наказания автора. Положение Ломоносова как поэта было исключительно трудным. Ведь он творил в ту пору, когда литература была вынуждена обслуживать нужды царского двора, откликаться на все события придворной жизни. Тем более удивительно, с какой смелостью он вкладывал в оды, сочиняемые им по официальному поводу, содержание, не имевшее ничего общего со взглядами и интересами придворных кругов. Поэт был вынужден прославлять царей, но на самом деле его поэзия была обращена ко всему народу, и славил он не царей, а свое любимое Отечество, Россию.

Пламенный патриот своей Родины, М. В. Ломоносов мечтал о прочном мире, когда можно будет, наконец, перековать мечи на орала, а «серный прах» (порох) употреблять только для веселых фейерверков.

⁴ М. В. Ломоносов, Избранные философские произведения, М., Госполитиздат, 1950, стр. 269.

⁵ В. Г. Белинский, Избранные сочинения, М., Госполитиздат, 1949, стр. 26.

Он гордился ратными подвигами русского народа и приводил в своих поэтических произведениях «примеры храбрости российской», но выше всего он ставил мир, «возлюбленную тишину», обеспечивающую возможность радостного и свободного труда народу-труженику.

В оде 1750 г. он дал яркий образ грядущей России, просвещенной страны, устроенной на началах науки, где моря соединены реками и каналами, осушены болота, разрабатываются земные недра, где творят чудеса механика и химия, а земледельцу помогают в труде научные предсказания метеорологов. Поэт славил созидательный труд, озаренный научным знанием, и верил в творческую энергию своего народа. Со страстной силой звучат как завет грядущим поколениям его слова:

«О вы, которых ожидает
Отечество из недр своих,
И видеть таковых желает,
Каких зовет из стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать».

Сочетание поэтического и научного мышления позволило М. В. Ломоносову глубоко проникнуть в тайны природы: «Науки художествам путь показывают, художества происхождение наук ускоряют, — писал он. — Обоим общему пользою согласно служат». История науки и научных открытий, по мнению Ломоносова, — это источник поэтического размышления и вдохновения. К числу наиболее замечательных произведений его научно-философской поэзии принадлежит «Письмо о пользе стекла», где поэт славит науку и техническую мысль, как двигатели прогресса. В «Утреннем размышлении» М. В. Ломоносов так описал бурную природу Солнца, как будто он обладал познаниями астрономии второй половины XIX в.; он дал поэтическую картину смерчеобразных вихрей, которые возникают в недрах светящейся оболочки Солнца и, поднимаясь в хромосферу и охлаждаясь, образуют солнечные пятна.

В своем «Вечернем размышлении» поэт дает астрономическую картину ночного неба и выступает как последователь учения о бесконечности миров. Он высказывает в стихах чисто научные предположения и гипотезы, популяризирует познавательное значение микроскопа и совершаемых с его помощью открытий, полемизирует с ошибочными, по его мнению, суждениями и теориями. Даже в научных трудах он ссылается на свои поэтические произведения. Так, в 1753 г. в «Слове о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих», М. В. Ломоносов, указывая на отличие своей теории от теории Франклина, добавляет: «Сверх сего ода моя о северных сияниях, которая сочинена в 1743 году, а в 1744 году в «Риторике» напечатана, содержит мое дальнейшее мнение, что северное сияние движением эфира произведено быть может».

М. В. Ломоносов стремился к созданию серьезной и глубокой по своему содержанию поэзии, которая отражала и осмысливала бы историческое развитие России. Поэзия, по его мнению, должна будить патриотические чувства, звать людей к труду и подвигам во имя Отечества, прославлять то, что нужно для блага народа.

Интересные мысли высказывал М. В. Ломоносов в области литературоведения. В «Рассуждении о долге журналистов...» он писал:

«В потоке литературы смешаны истина с ложью, верное с неверным...». Чтобы защитить истину, способствовать движению науки, необходимы «литературные судилища для оценки сочинений...» Ученый высказывался за критический принцип и строгую объективность библиографов. Они «в состоянии произнести приговор искренний и справедливый» только в том случае, если освобождают «свой ум от всякого предрассудка». Эта теория была успешно применена Ломоносовым на практике, при выпуске реферативного журнала, публиковавшего «самые точные и верные сокращения печатающихся сочинений с присоединением к ним иногда справедливого суждения...». Его влияние сказалось и в том, что первый в России научный журнал «Ежемесячные сочинения» начал помещать заметки «О новых и полезных книгах».

М. В. Ломоносов говорил о необходимости критического анализа литературы и отмечал, что крайне нужны «особливые писатели, которые различать станут добрых авторов от худых и покажут путь к забвению одних и припамятыванию других».

Своими филологическими трудами М. В. Ломоносов положил начало литературному русскому языку и новой теории стихосложения. «Влияние Ломоносова на русскую литературу было такое же точно, как влияние Петра Великого на Россию вообще»⁶, — писал В. Г. Белинский.

Великой исторической заслугой М. В. Ломоносова было преобразование русского языка. Он первым стал научно изучать русский язык во всем его многообразии, как неутомимый исследователь родного языка, как борец за чистоту его, как автор научных трудов, легших в основу всех последующих работ по русскому языку и литературе.

Утверждая национальную самостоятельность русского языка и очищая его от варваризмов, Ломоносов действовал систематически, исходя из им же разработанных научных принципов. Он создавал новые слова там, где появлялись новые понятия; ввел много терминов, которыми мы пользуемся и теперь, как например, влажность воздуха, выпуклое стекло, воздушный насос, давление воздуха, прозрачное и непрозрачное тело, негашеная известь, поташ, селитра, сулема, мышьяк, квасцы, нашатырь, уксус и др. Он заботливо сохранял термины, взятые из других языков и получившие международное значение, исправляя те из них, которые плохо звучали на русском языке (квадрат вместо «квадратум», горизонт вместо «оризонт», пропорция вместо «препорция»). Ломоносов же ввел такие термины, как атмосфера, зенит, оптика, формула, барометр, метеорология, микроскоп и многие другие.

М. В. Ломоносов глубоко ценил богатство, мощь, выразительность и красоту великого русского языка, подчеркивал его всемирно-историческое значение и указывал, что по красоте и силе своей русский язык не уступает ни одному европейскому языку: «Повелитель многих языков, язык Российский не токмо обширностью мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе. Невероятно сие покажется иностранному и некоторым природным россиянам, которые больше к чужим языкам, нежели к своему трудов прилагали...».

М. В. Ломоносов первым обратил внимание на историческую устойчивость, единство русского национального языка и отсутствие в нем пестроты диалектов.

⁶ В. Г. Белинский, Собрание сочинений, т. 3, М., ГИХЛ, 1948, стр. 642.

В истории русской культуры большую роль сыграла составленная М. В. Ломоносовым «Российская грамматика», до сих пор во многом не потерявшая своей ценности и научного значения. Он говорил: «Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики».

Общая материалистическая устремленность научного мировоззрения Ломоносова определила и его подход к изучению языка. «Без языка, — говорил он, — не хуже ли были мы диких зверей, рассыпанных по полям и пустыням».

Большим событием в культурной жизни России явилась ломоносовская «Риторика». Это было первое в России печатное руководство по теории литературы и ораторскому искусству. Ломоносов учил служить словом своему Отечеству, требуя от оратора и поэта глубоких знаний, идейности и патриотической направленности всего творчества.

Сложная история своего Отечества не могла не волновать истинного сына народа, и М. В. Ломоносов начал писать «Древнюю Российскую историю». Углубляясь в прошлое своей Родины, он черпал гордые надежды на близкое ее величие в будущем. Ломоносов указывал, что историческая наука должна отвечать требованиям строгой правды, быть «справедливостью своей полезна».

М. В. Ломоносов был страстным поборником народного просвещения, но он не понимал, что для коренного преобразования России недостаточно одного просвещения и распространения наук. В этом отношении как Ломоносов, так и все просветители «на Западе и в России... совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного»⁷. Не понимая классового характера государства, Ломоносов возлагал чрезмерные надежды на «просвещенный абсолютизм», считая, что «идеальный монарх», преследующий единую цель — «блага подданных», может преобразовать страну на основах Разума.

В этом сказалась ограниченность Ломоносова-просветителя, не знавшего подлинных движущих сил истории и законов развития человеческого общества.

Когда читаешь книги, рассуждения, заметки Ломоносова, то поражаешься своеобразию и богатству содержания мыслей и творческой деятельности этого замечательного русского ученого. Он стоял на самых передовых позициях науки своего времени, на ее переднем крае.

Ломоносов был инициатором основания Московского университета, превратившегося благодаря ему в центр передовой русской науки и культуры. Одна из главных особенностей ломоносовского проекта университета состояла в том, что, в отличие от всех университетов мира, в нем не было богословского факультета. Следующей особенностью университета было его четкое деление на факультеты. М. В. Ломоносову Московский университет обязан и тем, что в нем с самого начала была обеспечена ориентация на демократический состав учащихся. А. С. Пушкин в «Мыслях на дороге» заметил: «Ломоносов был великий человек... Он создал первый университет, он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом».

В условиях самодержавно-крепостнической России середины XVIII в. Ломоносов всей своей исключительно плодотворной и необычайно многогранной научной и общественной деятельностью выражал насущные нужды и интересы своего народа. Вот почему имя его

⁷ В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 473.

бессмертно, оно живет и будет жить в веках. На вечные времена вошел он в историю как один из лучших сынов России и всего человечества, человек великих дерзаний, революционер в вопросах науки, техники и культуры.

Нам, советским людям, всем честным людям мира дороги и близки патриотизм Ломоносова, материалистическая направленность его работ, его научная целеустремленность, гуманизм, демократизм и страстная борьба за светлое будущее своего народа.

Научные открытия Ломоносова служили и служат нам в борьбе за развитие материалистической науки и передовой культуры, против реакционной человеконенавистнической идеологии и растленной культуры капиталистического мира.

Через века протягивает нам руку наш великий соотечественник, чей беспримерный подвиг вдохновляет советских людей на беззаветное служение матери-Родине — стране строящегося коммунизма.

Е. М. Гринберг

УЛУҒ РУС ЭНЦИКЛОПЕДИСТ ОЛИМИ

Ушбу мақола рус халқининг атоқли фарзанди, гениал материалист файласуфи, табиіётшунос олими, гуманист ёзувчиси ва жамоат арбоби Михаил Васильевич Ломоносов туғилган кунининг 250 йиллигига бағишланади.

А. Х. БАБАХОДЖАЕВ

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И ТУРЦИЯ В ГОДЫ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ ТУРЕЦКОГО НАРОДА ПРОТИВ ИНТЕРВЕНЦИИ АНТАНТЫ

История войны турецкого народа за свою национальную независимость в 1919—1922 гг. уже освещалась в советской исторической литературе. При этом выявляется огромное значение всесторонней помощи, оказанной турецкому народу со стороны Советской России — верного друга всех народов, борющихся за свою свободу и национальный суверенитет, против колониальной политики империализма.

В данной статье нам хотелось бы показать солидарность народов Советской Средней Азии и Турции в борьбе против общего врага — империализма, который осуществлял в те годы интервенцию как против молодой Страны Советов, так и против Турции. При освещении этого вопроса мы используем некоторые вновь найденные нами архивные документы, недостаточно изученные ранее туркестанские и бухарские источники, а также периодические издания того времени, ставшие ныне библиографической редкостью.

* * *

В западной буржуазной литературе до сих пор преобладают исследования, искажающие и извращающие историю освободительной антимпериалистической войны турецкого народа. Их авторы пытаются очернить национально-освободительное движение турецкого народа, а самих турок представить как якобы «расово неполноценный народ».

Турецкая газета «Тасвир-и эфкяр», сообщая о деятельности представителей США Г. Кинга и Ч. Крейка, посетивших Турцию накануне Парижской мирной конференции, приводила высказывания американцев о турках. С высокомерием, присущим американским расистам, они заявляли, что у турок нет «ни физической, ни умственной активности»¹.

Еще откровеннее высказался идеолог британского колониализма лорд Керзон. «Присутствие турок в Константинополе, — говорил он в декабре 1918 г., — было язвой на теле Европы. Если мы избавимся от нее, если мы будем проводить гладстоновскую политику изгнания турок «со своими пожитками» и отнесем их на другую сторону проливов, мы почувствуем, что европейский воздух очистился от вредных миазмов»².

---

¹ Les Allies et la Turquie, Paris, 1925, p. 79.

² Ллойд Джордж, Правда о мирных договорах, т. II, М., ИЛ, 1957, стр. 209.

Идеологи империализма пытались представить национально-освободительное движение турецкого народа, начавшееся сразу после Мудросского перемирия (30 октября 1918 г.) между султанской Турцией и державами Антанты, как мятеж, а выдающегося борца за национальную независимость Турции Мустафу Кемаль-пашу — как главаря мятежников. «Мы имеем дело с отважным мятежником, — писал в своих мемуарах премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж о Мустафе Кемаль-паше, — который вдали от глаз союзников собрал в горах Анатолии остатки турецкой армии, противостоящей английским войскам в течение четырех лет»³.

Такими, с позволения сказать, «доводами» американские и английские империалисты пытались подвести идеологическую базу под свою разбойничью агрессию против Турции.

Под видом борьбы с «мятежниками» империалисты Антанты при поддержке США повели борьбу с турецким народом. Не довольствуясь захватом арабских стран, входивших ранее в Османскую империю, английские империалисты и их союзники стремились расчленить собственно турецкую территорию, чтобы превратить ее в свою колонию и плацдарм для агрессии против Советской России. В оккупации Турции принимали участие Англия, Франция, Италия, Греция. Немалую роль сыграли при этом и империалисты США, добивавшиеся получения мандата на Стамбул, проливы, Анатолию и всю Армению.

Уже в ноябре 1918 г., вскоре после подписания Мудросского перемирия, войска союзников вступили в столицу Турции — Стамбул и зону проливов. Военные корабли Антанты вошли через Дарданеллы и Босфор в Черное море. В декабре 1918 г. англо-французские войска заняли Адану. Англичане захватили Киликию и некоторые другие районы Анатолии. Затем эта часть страны была оккупирована французской армией. В апреле 1919 г. итальянские войска высадились в Анталье (Адалии) и заняли часть западного побережья Анатолии и другие районы до Коньи. В середине мая греческие войска при поддержке англо-франко-американских боевых кораблей захватили один из крупнейших экономических центров Турции — Измир.

В апреле 1920 г. на конференции в Сан-Ремо державы Антанты окончательно договорились о разделе Турции и утвердили проект договора с султанским правительством, который был опубликован в мае 1920 г. Одновременно Антанта «благословила» Грецию на дальнейшее расширение интервенции в Турции. В июне 1920 г. греческие войска из района Измира двинулись в глубь Анатолии, а другая часть греческой армии вступила во Фракию и заняла Эдирне (Адрианополь).

В августе 1920 г. Англия и ее союзники заставили султанское правительство, фактически находившееся в плену Антанты, подписать кабальный «мирный договор» в Севре. Надо сказать, что Севрский мирный договор не только закреплял раздел и подчинение Турции Антанте, но и был направлен против Советской России. В частности, он давал «право» империалистам Антанты использовать зону проливов и турецкие порты как базу для интервенции против Советской страны.

Открытие проливов (осуществленное еще по Мудросскому перемирию) позволяло Англии и ее союзникам поддерживать буржуазные контрреволюционные «правительства» в Грузии, Армении и Азербай-

³ Ллойд Джордж, указ. соч., т. II, стр. 115.

джане, установить контакт через Каспий с английскими интервентами, вторгшимися в Закаспийскую область ТАССР, и усилить помощь всем антисоветским силам на юге России.

Проектируемые державами Антанты так называемые Курдистан и дашнакская «Великая Армения» должны были стать плацдармами для борьбы против советских республик и национально-освободительного движения в Турции.

Таким образом, врагами турецкого народа были те же империалисты, которые пытались задушить в тисках интервенции молодую Советскую республику.

Защищая свою национальную независимость, турецкий народ, воодушевленный победой Великой Октябрьской социалистической революции в России и героической борьбой советского народа против интервентов всех мастей, поднялся на борьбу с иноземными поработителями. В начале 1919 г. в Киликии и Анатолии развернулось антиимпериалистическое крестьянское партизанское движение, особенно усилившееся после оккупации греческими войсками Измира.

«Несмотря на усталость и истощение страны после целого ряда войн (Триполитанской, Балканской и, наконец, всеевропейской), — писал М. В. Фрунзе, — большинство народа открыто выступило на борьбу против захватчиков. Так как официальное турецкое правительство, сидевшее в Константинополе под «почетной охраной» англо-французских штыков, относилось несочувственно к этому движению, то оно стало развиваться помимо него и против него, приобретая тем самым определенно революционный характер»⁴.

В подьеме антиимпериалистического национально-освободительного движения турецкого народа большую роль сыграли коммунистические группы, возникшие в 1918—1919 гг. в крупных городах страны. В 1920 г. оформилась Турецкая коммунистическая партия, одним из организаторов и руководителей которой был славный сын турецкого народа Мустафа Субхи (убит в 1921 г.).

В манифесте I съезда Компартии Турции отмечалось, что «вооруженная борьба турецких рабочих и крестьян против оккупантов объективно является революционной и отражает интересы трудящихся масс Турции и международного пролетариата, несмотря на то, что она проходит под руководством национальной буржуазии»⁵.

Надо сказать, что турецкий рабочий класс был тогда еще слишком малочисленным, слабым и разрозненным, и потому руководство освободительным движением оказалось в руках национальной (анатолийской) буржуазии, стоявшей на антиимпериалистических позициях и выступавшей за сохранение и упрочение национальной независимости и целостности Турции.

Во второй половине 1919 г. проходили Балыкесирский, Эрзурумский и Сивасский конгрессы буржуазно-патриотических организаций — «Обществ защиты прав», участники которых обязались защищать свою родину от всяких вторжений, требовали вывода оккупационных войск и обеспечения полной независимости Турции в границах, определенных Мудросским перемирием.

В Сивасе был создан «Представительный комитет» во главе с крупным политическим и военным деятелем Мустафой Кемаль-пашой. В конце 1919 г. этот комитет, ставший по существу временным пра-

⁴ М. В. Фрунзе, Собрание сочинений, т. I, М., 1929, стр. 257.

⁵ А. М. Шамсутдинов, Национально-освободительное движение в Турции, в сб.: «Великий Октябрь и народы Востока», М., 1957, стр. 395.

вительством новой Турции, переехал в Анкару, превратившуюся, таким образом, в политический центр страны.

В конце апреля 1920 г. в Анкаре был собран новый парламент — Великое национальное собрание, провозгласившее себя единственно законной властью в стране и сформировавшее правительство во главе с Мустафой Кемалем. Правительство заявило, что важнейшей его задачей является изгнание интервентов с турецкой земли. С этого времени происходит дальнейшее усиление освободительной борьбы турецкого народа против иностранных интервентов.

В своей справедливой антиимпериалистической борьбе турецкий народ был не одинок. На его стороне были сочувствие других народов Востока, симпатии всей прогрессивной мировой общественности. Верным другом свободолюбивого турецкого народа стала Советская Россия, сама отражавшая натиск объединенных сил международного империализма и внутренней реакции.

Победа Великого Октября, явившаяся поворотным пунктом в истории всего человечества, положила конец захватнической политике царизма и российской империалистической буржуазии. С первых же дней своего существования молодое Советское государство стало проводить ленинскую политику мира и дружбы со всеми народами. Советское правительство, в частности, опубликовало и аннексировало тайные соглашения о закабалении и разделе Турции, заключенные царизмом с другими странами Антанты. Советское правительство объявило, что оно отказывается от всех неравноправных договоров и привилегий, вырванных царизмом у султанской Турции.

Советская Россия на деле доказывала, что она является верным, надежным другом всех народов, борющихся за свое социальное и национальное освобождение. И не удивительно, что первым внешнеполитическим актом Великого национального собрания Турции явилось письмо Мустафы Кемала В. И. Ленину (26 апреля 1920 г.) с предложением установить дипломатические отношения между Турцией и РСФСР. В письме говорилось также, что «Турция обязуется бороться совместно с Советской Россией против империалистических правительств и надеется на содействие Советской России в борьбе против нападавших на Турцию империалистических государств»⁶.

Укрепление дружественных отношений с Советской Россией имело жизненно важное значение для победы национально-освободительного движения турецкого народа.

Народы Советской страны с горячим сочувствием отнеслись к героической борьбе турецкого народа, выступившего с оружием в руках против агрессии держав Антанты. Как отмечалось в отчете Наркоминдела РСФСР VII съезду Советов, «мы торжественно оповестили турецкий и другие мусульманские народы о нашем искреннем желании оказать помощь мусульманскому миру в борьбе его за возвращение утерянной свободы»⁷.

Веда освободительную борьбу против интервентов, турецкий народ брал пример с героического советского народа, успешно отражавшего походы Антанты на всех фронтах.

Турецкая газета «Хакимет-и миллие», припоминая разгром английских интервентов в Закаспии, писала в одном из номеров: «Англичане хотят повторить у нас опыт, который потерпел неудачу в России».

⁶ См. «Годовой отчет НКВД к VIII съезду Советов (1919—1920 гг.)», М., 1921, стр. 67.

⁷ Отчет НКВД (ноябрь 1918 г. — декабрь 1919 г.), М., 1919, стр. 26.

Выступая в июне 1919 г. на Эрзурумском конгрессе, Мустафа Кемаль отмечал, что «турецкий народ не одинок в своей борьбе, что русская нация, чувствуя, что ее независимости угрожает опасность, и видя, что ей со всех сторон грозит иностранная интервенция, единодушно поднялась против этих попыток мирового господства. Широкие массы населения стали хозяином страны и пытаются сами внедрить свое влияние в тех нациях, которые на них нападали»⁸.

В. И. Ленин, характеризуя огромное значение победоносной борьбы Советской России для народов Востока, в том числе для турецкого народа, говорил: «Если народы Востока до сих пор были только овечками перед империалистическим волком, то Советская Россия первая показала, что, несмотря на ее неслыханную военную слабость, протянуть к ней когти и зубы не так-то легко. Этим примером Советской России заразились очень многие народы, независимо даже от их сочувствия или несочувствия «большевистским шептунам». Об этих «шептунах» на всем свете много говорят, и нас даже называют зловредными шептунами по отношению к Турции...»⁹.

Но турецкий народ, отменяя всякие антисоветские вымыслы и клевету, настойчиво добивался сближения с Советской Россией для борьбы против общего врага. Народы Советской страны также стремились к установлению и упрочению дружественных отношений с новой Турцией.

В. В. Куйбышев, выступая в Ташкенте в июне 1920 г., подчеркивал: «общность задач Советской России и Турции. У них общий враг и для уничтожения этого врага — один фронт»¹⁰.

М. В. Фрунзе указывал тогда же, что «узы дружбы между Российской республикой и Революционной Турцией превращаются в честный союз, ибо жизненные стремления диктуют объединение целей Советской России и социальных и национальных стремлений освобождающейся Турции... К этому сознанию уже пришли вожди турецкого революционного движения и это сознание будет еще более и более укрепляться.

Когда мы боролись за свою свободу, у нас было много врагов и не было друзей. Революционная Турция находится в лучшем положении. За ее спиной находится дружественная Россия. Советская Россия всегда будет продолжать оказывать помощь революционному Востоку.

Наша победа близка, и чем ближе к ней, тем крепче будет союз Турции и России, и этот союз приведет к победе...»¹¹.

3 июня 1920 г. народный комиссар по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерин по поручению Советского правительства направил телеграмму Мустафе Кемалю, в которой говорилось: «В целях установления дружественных отношений и прочной дружбы между Турцией и Россией, Советское правительство предлагает немедленно установить дипломатические и консульские отношения... Советское правительство протягивает руку дружбы всем народам мира, оставаясь неизменно верным своему принципу признания за каждым народом права на самоопределение. Советское правительство с живейшим интересом следит за героической борьбой, которую ведет турецкий народ за свою независимость и суверенитет, и в эти дни, тяжелые для Турции, оно

⁸ Мустафа Кемаль, *Путь новой Турции, 1919—1927*, М., 1929, стр. 224.

⁹ В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 32, стр. 124—125.

¹⁰ См. «Известия», орган ЦК КПТ и ТуркЦИК, 31 июля 1920 г.

¹¹ Там же.

«счастливого заложить прочный фундамент дружбы, которая должна объединить турецкий и русский народы»¹².

Несмотря на происки иностранных империалистов, пытавшихся всякими интригами и провокациями посеять вражду между Турцией и РСФСР, 16 марта 1921 г. в Москве был подписан советско-турецкий договор «О дружбе и братстве». Этот договор, упрочивший внутреннее положение анкарского правительства и международное положение Турции в столь трудный для нее момент, вызвал широкое одобрение турецкого народа.

«Всеобщее внимание, — говорилось в сообщении из Турции, — сосредоточено на русско-турецком договоре. Официальные и частные издания единодушно приветствуют этот договор и утверждают, что только в нем спасение турецкого народа. Сообщение о договоре читается и обсуждается повсюду, даже в кофейнях и парикмахерских»¹³.

Советское правительство во главе с В. И. Лениным, считая своим интернациональным долгом оказание всемерной помощи всем народам, борющимся против ига империализма, пошло навстречу пожеланиям анкарского правительства Турции и предоставило ему большую помощь. Эта помощь становилась все более значительной и разносторонней по мере укрепления внутреннего и международного положения Советского государства.

Так, еще летом 1920 г. в Турцию было отправлено 6 тыс. винтовок, свыше 5 млн. патронов, 17 600 снарядов. В сентябре 1920 г. представителям турецкого правительства было передано 200,6 кг золота в слитках. В январе-феврале 1921 г. было послано 1000 бомб, 1000 взрывателей, 1000 зарядов и другое военное снаряжение. А в 1921 г. было подписано соглашение об оказании Турции безвозмездной финансовой помощи в размере 10 млн. руб. золотом и помощи оружием. В 1922 г. Советское правительство продолжало оказывать турецкому национально-освободительному движению военную, экономическую, финансовую и моральную поддержку¹⁴.

Большую помощь оказывали новой Турции не только РСФСР, но и другие советские республики. 13 октября 1921 г. был заключен договор о дружбе между Турцией и республиками Советского Закавказья. 2 января 1922 г., в период нахождения в Анкаре советской чрезвычайной миссии во главе с М. В. Фрунзе, был заключен аналогичный договор между Турцией и Украинской ССР. Еще в ноябре 1920 г. бухарская газета «Бухоро ахбори» сообщала, что Совнарком Украинской ССР выделил 68 055 руб. зол. делегации Общества Красного Креста, выезжавшей в Турцию¹⁵.

С большой симпатией относились к мужественной борьбе турецкого народа против британских и прочих колонизаторов народы Средней Азии, хорошо знакомые с повадками английских империалистов, войска которых летом 1918 г. вторглись в Закаспий, но в начале 1919 г. были выброшены из Туркестана.

В мае 1919 г. самаркандская газета «Мехнаткашлар товуши» писала, что известие о вступлении английских оккупантов в Стамбул вызвало глубокое возмущение всех трудящихся мусульман Туркестана. Они организовали многотысячные демонстрации и митинги протеста.

¹² См. «Документы внешней политики СССР», т. 2, М., 1958, стр. 55.

¹³ «Правда», 29 марта 1921 г.

¹⁴ Документы внешней политики СССР, т. 3, М., 1959, стр. 675.

¹⁵ «بخارا اخبارى» 3 نوڤاير 1920.

ста, просили правительство Туркеспублики выдать им оружие для борьбы против империалистической Англии и оказать помощь турецкому народу, борющемуся за свою независимость¹⁶.

В здании Туркестанского коммунистического университета состоялся большой митинг, на котором присутствовали студенты и преподаватели ТуркКУ и многочисленные представители трудящихся Ташкента. Участники митинга единодушно приняли резолюцию, в которой говорилось:

«Империалисты Европы хотят закабалить турецкий народ. Они также пытались задуть Советскую власть в нашей стране руками Колчака, Врангеля, белочехов, но эти планы империалистов позорно провалились.

Теперь империалисты Англии, Франции натравили Грецию против нашего друга — Новой Турции, отстаивающей свою независимость»¹⁷.

На митинге была создана комиссия из пяти человек для организации практической материальной помощи турецкому народу.

Народы советских республик Средней Азии посылали участникам национально-освободительного движения Турции различные подарки и письма с выражением своего горячего сочувствия. Мусульмане-коммунисты Туркестана и России в письме Мустафе Кемалю писали, что они полны решимости приложить все усилия для победы турецкого освободительного движения.

В этот период делается попытка установить дипломатические отношения между Бухарской НСР и новой Турцией. В ноте председателя Совета Народных Назиров и назира иностранных дел БНСР министру иностранных дел Турции от 20 июня 1921 г. говорится, что «теперь настал благоприятный момент для восстановления между национальным правительством Анатолии и независимой Бухарой дружественных отношений путем учреждения постов дипломатических представителей в обеих странах, а потому бухарский революционный народ, в лице своего правительства, с чувством глубокой радости и нравственного удовлетворения будет весьма рад видеть и с нетерпением ждать прибытия в свою столицу представителя мужественного турецкого революционного народа...».

Бухарское телеграфное агентство сообщило 4 января 1922 г., что в ответ на эту ноту «Великим национальным собранием Ангорского правительства представителем в Бухару назначен бывший комендант Иерусалима Фахри паша»¹⁸.

Как сообщила газета «Бухоро ахбори», правительство Бухарской НСР послало в Турцию чрезвычайную политическую миссию, чтобы выразить свою солидарность и восхищение мужеством и героизмом турецкого народа в борьбе с интервентами.

Миссия была принята председателем Великого национального собрания Турции Мустафой Кемаль-пашой в здании Президиума Национального собрания. Беседа прошла в дружеской обстановке, после чего бухарская миссия от имени своего народа преподнесла турецким друзьям ценные подарки, в том числе клинок командующему войсками, освободившими Измир от оккупантов, а самому Мустафе Кемалю — клинок и ценный подарок.

¹⁶ «محنتکشلر تاووشی» ۱۴ مای ۱۹۱۹

¹⁷ «تورکستان» ۲۰ اوتکتابر ۱۹۲۲

¹⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-48, оп. 1, д. 124, л. 3.

В своей речи на приеме, устроенном в честь миссии Бухарской НСР, глава миссии сказал: «Я исключительно рад, что мне выпало счастье от имени 5-миллионного бухарского народа, Совета Министров и Исполнительного комитета БНСР приветствовать здесь, в Великом Национальном собрании, главнокомандующего Мустафу Кемаль-пашу. Сила и единство российских революционеров быстро подняли человеческое знамя и объединили угнетенные народы Востока, похоронили колониальную политику царизма на Востоке... Мы, представители БНСР, бесконечно рады, что сегодня находимся в столице дружественной Турецкой республики — Анкаре, и тому, что были тепло приняты в Великом Национальном собрании... От имени БНСР поздравляю Вас с победой, достигнутой в результате героической борьбы; даря клинок, желаем Вам новых побед».

В ответной речи Мустафа Кемаль говорил: «Враги мешали нам установить с бухарским народом хорошие отношения... Теперь народы Востока с каждым днем крепнут, становятся сильнее, каждая нация имеет право на самоопределение. Это уже не только теория; российские революционеры практически обеспечили осуществление этого права. Яркое свидетельство этого — приезд в нашу республику представителей независимой Бухары, друга России. Я, как председатель Великого Национального собрания, рад приветствовать здесь представителей бухарского народа». Выразив благодарность за преподнесенный от имени бухарского народа клинок, Кемаль-паша сказал: «...С этим клинком в освободительной борьбе наша победоносная национальная армия одержит новую победу»²⁰.

Установление и укрепление дружественных отношений с РСФСР и другими советскими республиками отвечали жизненным интересам турецкого народа. Моральная, материальная и военная помощь, оказанная Советской страной, имела решающее значение для победы турецкого народа над интервентами Антанты.

Первую крупную победу над англо-греческими войсками турецкая армия одержала в январе 1921 г., после упорных боев у селения Иненю, когда удалось остановить наступление вражеских войск в Анатолии. С 23 августа по 13 сентября 1921 г. шло ожесточенное сражение на р. Сакарье, закончившееся разгромом и отступлением греческих войск. В сентябре 1922 г. интервенты потерпели новое тяжелое поражение и были выброшены из Измира, а затем и со всей территории Анатолии.

Весть о блестящей победе турецкого народа над интервентами Антанты была радостно встречена в Советской стране.

В. И. Ленин, высоко оценивший борьбу турецкого народа против империалистических захватчиков, говорил: «...Турецким рабочим и крестьянам удалось показать, что отпор современных народов против хищничества — вещь, с которой надо считаться, и тот грабеж, на который империалистические правительства осудили Турцию, вызвал отпор, заставивший самые мощные империалистические державы убрать руки прочь»²¹.

Народы Советской Средней Азии, как и все друзья новой Турции, горячо поздравляли ее с победой над врагом. 6 октября 1922 г. ЦИК Советов Туркестанской АССР направил Великому национальному

²⁰ «بخارا اخباری»؛ ۴ اپریل ۱۹۲۲

²¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 32, стр. 125.

собранию Турции телеграмму, в которой говорилось: «Трудящиеся Советского Туркестана приветствуют вас, восхищаются выдающимися победами армии Турции над силами империализма.

Народы Советского Туркестана выражают уверенность в том, что Вы и впредь будете вести героическую борьбу с империалистическими агрессорами»²².

12 октября 1922 г. по решению правительства Бухарской Народной Советской Республике в Бухаре был созван многолюдный митинг, посвященный победе турецкого народа над полчищами интервентов²³.

Выступавшие на митинге трудящиеся Бухары и бойцы Красной Армии заявляли, что они единодушно поддерживают турецкий народ в его героической борьбе против империализма. Участники митинга послали поздравительную телеграмму председателю Великого национального собрания Турции Мустафе Кемаль-паше, в которой говорилось: «От имени бухарского народа и Бухарской Народной Республики горячо приветствуем Вас и весь турецкий народ в связи с замечательной победой за свободу и независимость своей родины».

Телеграмма из Бухары, как писала газета «Бухоро ахбори», была зачитана перед депутатами Великого национального собрания Турции и воспринята ими с глубоким удовлетворением. В ответной телеграмме доктор Эднан от имени Великого национального собрания Турции выразил благодарность народу и правительству БНСР за оказанную поддержку в борьбе турецкого народа за независимость²⁴.

16 октября 1922 г. в столице Хорезмской Народной Советской Республики — г. Хиве — также состоялся многолюдный митинг, посвященный победе турецкого народа над интервентами. Участники митинга приняли приветственную телеграмму турецкому народу, в которой говорилось: «Трудящиеся Хивы радуются успехам турецкого народа, как большой победе трудящихся, как образцу борьбы с империалистами Антанты»²⁵.

Таким образом, национально-освободительная война турецкого народа, опиравшегося на дружественную помощь советского народа, окончилась победой. 24 июля 1923 г. в Лозанне был подписан мирный договор между державами Антанты и Турцией, утверждавший территориальную целостность и политическую независимость Турции, упразднявший режим капитуляций, «сферы влияния» и т. п. Войска держав Антанты ушли из зоны проливов и Стамбула.

Победа в освободительной борьбе явилась одновременно и победой буржуазно-национальной революции в Турции. 1 ноября 1922 г. Великое национальное собрание приняло закон о ликвидации султана, а через год — 29 октября 1923 г. — Турция была провозглашена республикой.

* *
*

После окончания освободительной войны советско-турецкие отношения еще много лет были дружественными, и СССР продолжал оказывать молодой Турецкой республике экономическую и культурную помощь. Государственные и культурные деятели обеих стран неоднократно обменивались визитами.

²² «بخارا اخبارى» ۱۹ اۆكتابر ۱۹۲۲

²³ «بخارا اخبارى» ۱۹ اۆكتابر ۱۹۲۲

²⁴ «بخارا اخبارى» ۲ نويابر ۱۹۲۲

²⁵ «تور كستان» ۲۵ اۆكتابر ۱۹۲۲

В своей речи при открытии Великого национального собрания в. 1936 г. Кемаль Ататюрк заявил: «...Я должен с полным удовлетворением отметить, что наша дружба с Советским Союзом — нашим великим морским и сухопутным соседом, доказавшая свои достоинства уже в течение 15 лет, продолжает нормально развиваться с той же силой и с той же искренностью, как и в первые дни своего возникновения»²⁶.

Однако после смерти Ататюрка, особенно в годы второй мировой войны и после нее, отношения между Турцией и СССР резко ухудшились. Вопреки национальным интересам турецкого народа Турция была вовлечена в агрессивные блоки — НАТО (1952) и Багдадский пакт (1955), — направленные против СССР. В 1950—1953 гг. Турция принимала участие в организованной американским империализмом войне против корейского народа.

Антинациональная политика клики Баяра — Мендереса, приведшая Турцию на грань катастрофы, вызывала глубокое недовольство в турецком народе и в армии. В мае 1960 г. правительство Мендереса было свергнуто. Участь Баяра, Мендереса и их клики общеизвестна.

Новое правительство Турции во главе с Джемалем Гюрселем провозгласило своим главным лозунгом возврат к политике Ататюрка и обещало поддерживать дружественные отношения со всеми странами мира.

Позиция Советского правительства в вопросе о советско-турецких отношениях была четко изложена в послании Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева премьер-министру Турции Дж. Гюрселю 28 июня 1960 г. Глава Советского правительства писал: «Считаю необходимым, г-н Премьер-Министр, еще раз подчеркнуть, что в Москве с чувством удовлетворения встречено заявление нового правительства Турции о том, что оно намерено следовать принципам политики основателя Турецкой Республики и борца за независимость Турции Кемалья Ататюрка, с именем которого в нашей памяти связаны дружеские и даже братские отношения между нашими соседними странами. Мы помним слова Ататюрка о том, что советско-турецкая дружба до сих пор несла международному миру только благо и пользу и что эта дружба и в дальнейшем будет благотворной и полезной.

Если следование политике Ататюрка со стороны нового турецкого правительства будет претворяться на деле, все мы увидим советско-турецкие отношения возвращенными на тот высокий уровень подлинно добрососедства и настоящей дружбы, на котором они находились во времена великого основателя Советского государства и друга восточных народов В. И. Ленина и вождя новой Турции Ататюрка»²⁷.

А. Х. Бобохўжаев

ТУРК ХАЛҚИНИНГ АНТАНТА ИНТЕРВЕНЦИЯСИГА ҚАРШИ ОЛИБ БОРГАН ОЗОДЛИК ҚУРАШИ ИЙЛЛАРИДА УРТА ОСИЁ ВА ТУРКИЯ

Мақолада турк халқининг Антанта интервенциясига (1919—1922 йиллар) қарши олиб борган озодлик курашида Совет Ўрта Осийёни халқлари билан турк халқи ўртасидаги ҳамкорлик ҳақида янги топилган ва илгари яхши ўрганилмаган манбаларга асосланган ҳолда гапирилади.

²⁶ «Правда», 29 октября 1936 г.

²⁷ «Правда», 1 сентября 1960 г.

М. Ю. ЮЛДАШЕВ

К ИСТОРИИ АРАЛЬСКОЙ ФЛОТИЛИИ

Как известно, одним из прогрессивных последствий присоединения Средней Азии к России явилось вовлечение среднеазиатского рынка в орбиту мирового хозяйства через экономические связи с Россией. Развитию этих связей во многом способствовали железные дороги. Однако товары перевозились не только по железной дороге, но и на пароходах через Аральское море и по Аму-Дарье. Таким образом, в развитии экономических связей между Средней Азией и Россией немалую роль сыграли Аральская и Амударьинская флотилии.

Надо сказать, что история этих флотилий до сих пор еще не исследована, и в литературе освещаются лишь отдельные моменты, касающиеся только военных действий Аральской флотилии в Хивинской кампании 1873 г. В этой связи нам хотелось вкратце осветить здесь историю возникновения Аральской и Амударьинской флотилий на основе выявленных нами новых архивных материалов.

* * *

Со времени появления русской власти на Каспийском море — со второй половины XVI в. — у русского правительства неоднократно возникала мысль об открытии водного торгового пути в Индию. Особенно большое внимание уделял этому вопросу Петр Первый.

В указе Петра I капитану от гвардии князю Бековичу-Черкасскому от 14 февраля 1716 г. говорится: «Просить у хана хивинского судов и на них отпустить купчину по Аму-Дарье в Индию, наказав, чтобы изъехал ее, пока суда могут итти, и отоль выехал в Индию, примечая реки и озера и описывая водяной и сухой путь, а особливо водяной к Индии того или другого реками...»¹.

В инструкции Петра I Бековичу-Черкасскому, данной 14 февраля 1716 г., ставилась задача: «У прежнего устья р. Аму, в Каспийском море построить крепость на тысячу человек и затем отправиться послом к хивинскому хану, следуя вдоль течения реки, чтобы осмотреть имеющиеся на ней плотины, и если окажется возможным, обратит «оную воду паки в старый ток», заперев устья в Аральское море, то стараться выбрать удобное место на настоящей Аму-Дарье, где-либо близ плотины, и заложить там другую крепость. Хана хивинского, пытаться склонить к верности и подданству, обещая ему наследственность во владении ханством, для чего предложить ему гвардию из

---

¹ ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 1272, л. 470.

русских, с тем, чтобы он за то действовал в пользу наших интересов. В случае согласия хана на эти предложения, просить его послать своих людей, с двумя русскими, вверх по Сыр-Дарье, до Иркети, «для осмотра золота»². В бытность в Хиве осведомиться, нельзя ли и бухарского хана привлечь в подданство, или, по крайней мере, склонить к дружеским отношениям «таким же маниром» (т. е. предложить ему русский охранительный отряд), ибо и там также ханы бедствуют от подданных»³.

С экспедицией кн. Черкасского в Хиву должны были отправиться морские офицеры, из которых поручику Кожину поручалось ехать, под видом купца, с грамотой к Великому Моголу, следуя, насколько возможно, вверх по Аму-Дарье и нанося свой путь на карту; остальные предназначались для посылки к Иркети и к бухарскому хану.

Попытки русского правительства найти водный путь в Индию повторялись и в последующие годы. В Среднюю Азию были направлены караваны посольств, в задачи которых входило, в частности, изыскание водного пути в Индию. Так, в последние годы царствования императрицы Екатерины II в Хиву был отправлен доктор Бланкеннагель. Вернувшись оттуда в 1797 г., он представил записку о развитии торговли с Средней Азией и Индией⁴.

Наступательное движение России в сторону Средней Азии приблизило ее к середине XIX в. непосредственно к границам среднеазиатских ханств, а также к Аральскому морю и Аму-Дарье. По мере постепенного завоевания Туркестанского края возникла необходимость создания здесь ряда фортов и образования Аральской флотилии.

Первое означение с Аму-Дарьей, как и плавание по ней русских судов, совершается на судах именно Аральской флотилии, причем они стали постепенно проникать все выше по реке.

Первым военным судном в Аральском бассейне была шхуна «Николай», построенная в 1847 г. в г. Оренбурге и доставленная в разобранном виде на подводках на берег Сыр-Дарьи, в Раимское укрепление⁵, где она была собрана в том же году.

Через месяц после основания Раима, 20 августа 1847 г. шхуна «Николай», вооруженная двумя орудиями, под командой поручика Мертвого приняла участие вместе с войсками Раимского укрепления в походе небольшой хивинской крепости Джан-кала, находившейся в 70 верстах выше Раима⁶.

В том же году шхуна «Николай» выходила в Аральское море для описания его, но эта экспедиция дала незначительные результаты. Поэтому в 1848 г. описание Аральского моря было поручено лейтенан-

² Петру I могло быть уже известно в то время о препятствиях, встреченных экспедицией Бухгольца в движении на юг через владения джунгарского контайши, а потому он вторично поручает Черкасскому собрать сведения об иркетском золоте со стороны Сыр-Дарьи. Мысль Петра I об отыскании золота в Малой Бухарии или где-либо далее на востоке могла также получить подкрепление в сведениях, доставленных тобольским дворянином Трушниковым, которого сибирский губернатор кн. Гагарин отправил в 1713 г. в Восточный Туркестан для разведки о песочном золоте. Трушников вернулся из своего странствия в 1715 г., и из его донесения видно, между прочим, что он пробрался даже до Куку-нора, где сам видел, как промывали золото. (См. дополнения Григорьева к «Восточному Туркестану» Риттера, СПб., 1873, стр. 372 и 373).

³ Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях, СПб., 1900, стр. 25.

⁴ Бланкеннагель, Путевые заметки майора Бланкеннагеля о Хиве в 1793—94 гг., с примечаниями В. В. Григорьева, «Вестник РГО», т. XXII, 1858.

⁵ Раимское укрепление находилось в устье Сыр-Дарьи, в 60 верстах от моря.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 232, л. 471.

ту Алексею Бутакову и прапорщику корпуса флотских штурманов Пospelову, отправленным на шхунах «Николай» и «Константин» (построенных в Оренбурге в 1848 г. и доставленных на подводах в разобранном виде к берегам Аральского моря). В течение 1848 и 1849 гг. они блестяще выполнили эту задачу, описав также принадлежащий Хиве южный берег Арала и устья Аму-Дарьи.

В 1850 г. в Швейцарии (на Матальском заводе) были заказаны пароход «Перовский» и паровой баркас «Обручев» с выдвигаемыми килями, чтобы можно было плавать как по морю, так и по рекам. Эти суда с перевозкой в разобранном виде обошлись в 49 347 руб.

Пароход «Перовский» имел 93,3 индикаторской силы, 107 футов длины, 21 фут ширины (с обшивкой), при осадке во время плавания речного: ахтерштевня — 3 фута 6 дюймов, форштевня — 3 фута, а во время плавания морского — соответственно 3 фута и 2 фута 9 дюймов. Паровой баркас «Обручев» имел 18,4 индикаторской силы, 70 футов длины, 9 футов 2 дюйма ширины, при осадке ахтерштевня 2 фута 3 дюйма и форштевня 2 фута⁷.

В 1852 г. они были доставлены на берег Сыр-Дарьи, а в феврале 1853 г. спущены на воду. Оба судна находились под командой лейтенанта Эрдели.

В 1853 г. пароход «Перовский» участвовал во взятии Ак-Мечети, куда он прибыл 5 июня 1853 г. На пароходе «Перовский» с баржами лейтенант Бутаков проник в 1856 г. в устье Аму-Дарьи — в Улькун-Дарью (западный рукав, впадающий в залив Талдык) и дошел до Кунграда.

В 1858 г. от Черникова залива на западном берегу Арала пароходы Аральской флотилии под начальством капитана 1-го ранга Бутакова сопровождали миссию Игнатьева в Хиву и Бухару. Миссия должна была произвести рекогносцировку Аму-Дарьи и занять г. Кунград. Рекогносцировка нижнего течения Аму-Дарьи прошла удачно, но занять Кунград путем переговоров не удалось.

В работе А. Р. Мухамеджанова и Т. Нигматова⁸ дано описание поездки миссии Игнатьева в Хиву и приводятся сообщения хивинского историка Баяни об этом событии.

Баяни пишет, что когда на Аму-Дарье появились русские корабли, хан послал гонца, чтобы выяснить, с какой целью они прибыли. Русские ответили, что их «послал русский царь в качестве послов к хивинскому хану с дружественной целью, ввиду этого мы думали, что две стороны дружественны, и совершили прогулку до этой стороны, и мы ни в чьи дела не вмешиваемся»⁹.

Далее Баяни пишет, что «корабли, прибыв к крепости Кунград, бросили якоря и потребовали пропустить в крепость и курсировали перед ней несколько дней... Жители крепости не разрешили им войти в нее, однако они поджидали русских и хотели ограбить их. Вскоре русские, проявив предусмотрительность, вернулись на корабли и убрались»¹⁰.

В другом источнике имеется следующее описание поездки миссии Игнатьева в Хиву.

⁷ ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 232, л. 471.

⁸ А. Р. Мухамеджанов, Т. Нигматов, Некоторые источники к истории взаимоотношений Бухары и Хивы с Россией, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 196—207.

⁹ Баяни, Родословие хорезмшахов, ркп. ИВ АН УзССР, № 9596, л. 418.

¹⁰ Там же, стр. 411.

Подходя к устью Аму-Дарьи, полковник Игнатьев узнал, что хивинцы, уведомленные о намерениях флотилии войти в Аму-Дарью, не соглашаются пропустить ее, и что вскоре ожидается спад речных вод. Поэтому Игнатьев отказался от первоначальной мысли следовать до Хивы на пароходе, опасаясь, что противодействие хивинцев, а также мелководье Аму-Дарьи помешают посольству добраться до столицы ханства; вместе с тем он решил пополнить сведения о дельте Аму-Дарьи. С этой целью Игнатьев отправил часть подарков и тяжести на судах флотилии к Кунграду, а сам с членами посольства продолжал движение туда же по западному берегу Аральского моря, через Айбугирский залив.

Миссия была принята в Кунграде внешне радушно и с почетом; но тут уже обнаружилось недоверие, с которым хивинцы относились к ожидаемому прибытию судов.

Из Кунграда посольство выехало, не дождавшись прихода флотилии, и следовало далее по реке на хивинских лодках до окрестностей самой Хивы, куда прибыло 18 июля.

Скоре в Кунград прибыл пароход «Перовский» и две баржи под командой начальника Аральской флотилии капитана 1-го ранга Бутакова. Они пробрались через главное устье Аму-Дарьи — Улькун-Дарью — и протоком Кульден вошли в западное устье Талдыка, на котором лежит Кунград. Правитель города и местные жители, сильно встревоженные появлением судов, особенно невиданного до тех пор парохода, объявили Бутакову, что хан не соглашается пропустить суда вверх по реке.

Начальник флотилии и сам сознавал, что движение парохода, как предполагалось, до Чарджуя и выше, было делом весьма рискованным, ибо, не зная фарватера реки, можно было где-нибудь посадить пароход на мель; к тому же он не мог взять с собой достаточного количества топлива. Хотя последнее обстоятельство устранилось с прибытием третьей баржи к Кунграду, тем не менее, опасаясь маловодья в конце августа и трудностей осеннего плавания по Аралу, капитан Бутаков решил спуститься с судами к устью Улькун-Дарьи и ожидать там результатов переговоров в Хиве. Поэтому флотилия оставила Кунград и в конце июля перешла к устью Улькун-Дарьи¹¹.

В 1867 г. штабс-ротмистр Терентьев, командированный генерал-адъютантом фон Кауфманом в Орск, увидел за городом разобранный пароход, заказанный в Швейцарии и сваленный здесь за неимением средств для дальнейшей доставки его в Казалинск. Терентьев распорядился нанять подводы и верблюдов и доставить пароход в Казалинск.

Когда составлялись планы Хивинского похода, решено было для содействия экспедиционным войскам трех округов (Оренбургского, Туркестанского и Кавказского) сформировать эскадру из судов Аральской флотилии и направить ее из Сыр-Дарьи через Аральское море к устью Аму-Дарьи. Командующий войсками Туркестанского военного округа фон Кауфман, будучи еще в Петербурге, предписал начальнику Аральской флотилии приготовить к выходу в море по первому его требованию пароход «Перовский (единственный пароход Аральской флотилии, приспособленный тогда к морскому плаванию) и две морские баржи.

¹¹ Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическом военном отношениях, стр. 131—132.

Возвращаясь из Петербурга, генерал-адъютант фон Кауфман расспросил в Казалинске начальника Аральской флотилии капитана 2-го ранга Ситникова о качествах его судов. Оказалось, что экспедиционную эскадру можно усилить еще одной баржей и речным пароходом «Самарканд»¹², имевшим 213 индикаторных сил, 150 футов длины, 22 фута ширины (с обшивкой), с осадкой ахтерштевня 2¼ фута и форштевня 2 фута.

Ситников доложил, что при известной осторожности пароход «Самарканд» может выйти в море и совершить переход от устья Сыр-Дарьи к устью Аму-Дарьи, хотя он не имеет никаких приспособлений для плавания в море. Кауфман согласился с этими доводами и решил включить пароход «Самарканд» в состав экспедиционной эскадры¹³.

Таким образом, в Хивинском походе 1873 г. приняли участие два парохода — «Самарканд» и «Перовский» с тремя барками. Экипаж их состоял из 8 офицеров, 1 врача, 259 нижних чинов, в том числе двух топографов. На «Самарканде» было два нарезных орудия и два единорога, на «Перовском» — два карточных орудия и один единорог. На двух барках было по два нарезных орудия, а на третьей — один единорог. Боевых зарядов было взято по 175 на каждое орудие¹⁴.

Начальнику Аральской флотилии было предложено по вскрытии Сыр-Дарьи спустить пароходы «Перовский» и «Самарканд» от г. Перовска в форт № 1 и, снарядив их там для морской кампании, отправиться в Аральское море вместе с двумя баржами. По выходе в море пароходам следовало держать курс к юго-западному берегу, по которому должен был двигаться оренбургский экспедиционный отряд генерал-лейтенанта Веревкина, и установить связь с этим отрядом. Получив какие-либо сообщения от Веревкина для Кауфмана, их следовало передать на Кос-Арале паровому баркасу «Обручев» для пересылки через Казалинск в главный действующий отряд.

Установив связь между Оренбургским и Туркестанским отрядами, пароходы флотилии должны были приступить к исследованию устьев Аму-Дарьи: открыть входы в рукава дельты, измерить фарватер, определить скорость течения и, местами, профиль реки. Затем флотилия должна была по возможности продолжать дальнейшее движение вверх по Аму-Дарье, к Кунграду.

Действия эскадры под Кунградом, впредь до нового распоряжения, должны были ограничиться подходом к нему (оставаясь вне выстрелов из крепости) и продолжением исследования реки¹⁵.

Зима застала пароходы в Перовске. 14 марта 1873 г. Сыр-Дарья вскрылась, и пароходы ушли в Казалинск. Ночью ветер погнал лед, и реке обмелела до того, что пароходы очутились на мели. С большим трудом, с помощью присланных из Перовска 100 казаков и 400 киргизов пароходы удалось снять с мели, и лишь 6 апреля «Самарканд» прибыл в Казалинск¹⁶. К вечеру 17 апреля «Самарканд» достиг о-ва Кос-Арал на Аральском море, а 18 апреля все суда вышли в открытое море, ведя на буксире три барки.

¹² Надо полагать, что именно этот пароход нашел штабс-ротмистр Терентьев в г. Орске (в разобранном виде).

¹³ ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 232, л. 472.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Описание Хивинского похода 1873 года, По материалам особой комиссии, учрежденной тотчас после похода, под председательством бывшего Начальника полевого Штаба, Составлено полковником Ф. И. Лобысевичем, СПб., 1898, стр. 88—89.

¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 232, л. 472.

26 апреля флотилия двинулась к заливу искать бар речки Кечкине-Дарья, который с 1859 г., со времени рекогносцировки Бутакова, считался удобным для входа в Аму-Дарью. Тем временем был захвачен в плен один хивинец, который показал, что на Улькун-Дарье, в 14 верстах от устья, выстроена крепость Ак-Кала с гарнизоном в 1000 человек и 5 пушками. Найдя бар, флотилия вошла в реку, провела ночь у развалин форта Хиот, а 28 апреля экспедиция вышла из Кечкине-Дарья за Улькун-Дарью и увидела форт Ак-Кала.

«Самарканд» с двумя баржами шел впереди, «Перовский» с одной баржей — за ним. Как только суда подошли на пушечный выстрел, форт открыл огонь. Флотилия ответила. Вскоре хивинские пушки были подбиты. Во время перестрелки на «Самарканде» был пробит левый борт, разбита подушка орудия, отбита лапа якоря и ранены 7 нижних чинов и начальник флотилии капитан 1-го ранга Ситников.

Выйти в Улькун-Дарью флотилия не могла из-за хивинских плотин на реке. Узнав, что флотилия остановилась в устье Талдыка, генерал Веревкин пригласил Ситникова прибыть к нему для обсуждения дальнейших действий. Однако в связи с ранением Ситникова не мог прибыть к Веревкину и послал туда 7 мая 9 матросов, топографа и унтер-офицера под начальством прапорщика штурманов Шебашева 2-го. Но в 10 верстах от Кунграда их сонными зарезали проводники-киргизы¹⁷.

Ситников хотел разрушить хивинские плотины, мешавшие флотилии двигаться вперед, а Веревкин настаивал на поисках прохода по разливам правого берега, но флотилия не решилась делать этого без проводников. Дальнейшее участие флотилии в кампании выразилось в перевозке в Казалинск больных и раненых участников похода, артиллерийских орудий и т. п. (конец июня — конец августа 1873 г.).

В 1874 г. капитан-лейтенант Брюхов на пароходе «Перовский» прошел с моря в Аму-Дарью и через каменистые пороги — в Яим-Су и достиг Петро-Александровска.

В 1875 г. фон Левенгаген на пароходе «Самарканд» сделал неудачную попытку подняться выше Дуль-Дуль-Атлагана.

В 1876 г. капитан 2-го ранга Брюхов на пароходе «Перовский» прошел Дуль-Дуль-Атлаган и выше его, а в 1878 г. он достиг на том же пароходе Ходжа-Салара, конечного пункта границы с Афганистаном.

Когда в 1878 г. отправлялось русское посольство в Афганистан, амударьинскому отряду было предписано идти по правому берегу реки из Петро-Александровска, а тяжести везти на пароходах «Самарканд» и «Перовский» с баржами. Для переправы у Келифа пароходы должны были взять на буксир «кауфманки» (понтонеры) и каюки. Но эта задача для них оказалась непосильной¹⁸.

Поскольку на пароходе подняться выше Ходжа-Салара было невозможно, лейтенант Зубов решил в 1879 г. обследовать Аму-Дарью до начала ее судоходности на шлюпках и хивинском каюке. Выйдя из Петро-Александровска 10 июня 1879 г. (с началом прибыли воды), Зубов дошел на каюке до Файзабад-кале лишь во второй половине августа. Он признал течение Пянджа далее не судоходным, поскольку выше река делится на целую сеть мелких протоков, носящих характер мелководных горных речек с резким колебанием скоростей течения. Последняя переправа на каюках находилась у Сарая, а выше след-

¹⁷ ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 232, л. 473.

¹⁸ Там же, л. 474.

ствие быстроты течения и мелководья переправлялись уже на гупсах (шкуры быков и баранов, надутые воздухом)¹⁹.

Обследование Пянджа и Аму-Дарьи было произведено Зубовым в конце августа и сентябре, т. е. при сравнительно высоком еще уровне, а потому он подробно не осмотрел каменные преграды, препятствовавшие плаванию на этом участке. Кроме того, у Зубова не было никаких данных для определения годового колебания уровня воды в верховьях.

На основании своих наблюдений Зубов пришел к следующим выводам:

- 1) сильное течение Пянджа не препятствует плаванию, ибо можно не идти по главной струе;
- 2) узкие места проходимы; в случае надобности их можно сделать проходимыми с помощью взрывов;
- 3) каменистый грунт найден только на большой глубине;
- 4) наименьшая глубина в нижнем течении составляет 1 м;
- 5) приглубые берега удобны для приставания.

Поэтому Зубов признал возможной навигацию, начиная с мая по октябрь, а может, и по ноябрь, для пароходов с осадкой $2\frac{3}{4}$ фута — ниже Петро-Александровска, а выше — с осадкой $3\frac{1}{2}$ фута для судов размерами вроде парохода «Самарканд», но с сильной машиной²⁰.

Помимо упомянутых выше экспедиций, суда Аральской флотилии по мере увеличения плавучих сил постепенно расширяли район плавания, совершая рейсы вначале по Сыр-Дарье и Аральскому морю, а затем — по Аму-Дарье.

К сожалению, среди немногих дел, уцелевших после пожара в архиве Туркестанского военного округа, сохранилось довольно мало материалов о деятельности судов бывшей Аральской флотилии, но даже из собранных данных видно, что малосильные пароходы успешно плавали на большие расстояния, буксируя по две баржи грузоподъемностью от 2 до 7 тыс. пудов. Так, в 1877 г. пароход «Перовский» с баржей № 8 (7000 пудов груза) отправился из Казалинска 1 апреля к Кос-Аралу, а оттуда к о-ву Николая, затратив на это плавание неделю и останавливаясь в южной бухте острова. Пароход «Ташкент» мог пройти с баржей № 7 (7000 пудов груза) от Перовска к Чинару за 3 недели, а обратно с той же баржей — за 2 недели.

Остальные суда Аральской флотилии начали навигацию в 1877 г. у г. Казалинска в конце марта. Пароход «Сыр-Дарья» мог буксировать сразу две баржи (№ 1 и 2), поднимавших вместе 6000 пудов, и совершал рейс от Казалинска до Перовска за 15 суток, а обратно — за 11—12 суток.

В 1877—1878 гг. и позже пароходы плавали на четырех участках со следующей скоростью:

- 1) Казалинск — Перовск — 2 недели, обратно 7—8 дней;
- 2) Перовск — Чинар — 3 недели, обратно — 12 дней;
- 3) Казалинск — Кос-Арал — 1 сутки, обратно 4 суток;
- 4) Кос-Арал — о-в Николая — 2 суток, обратно — 2 суток.

В состав Аральской флотилии входили: пароходы «Самарканд», «Арал», «Ташкент», «Сыр-Дарья», паровой баркас «Обручев», десять барж, пять паромов, плашкоут из двух железных ящиков и десять баркасов²¹.

¹⁹ ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 232, л. 474.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, л. 476.

В 1881 г. пароход «Самарканд» затонул у г. Перовска. Это был лучший пароход флотилии. Остальные суда были довольно старыми и слабыми и не годились для плавания по Аму-Дарье.

26 октября 1882 г. генерал-адъютант Черняев учредил комиссию для решения вопроса об упразднении Аральской флотилии. В конце 1882 г., проезжая через Казалинск, он приказал флотилии больше не плавать. Распоряжение это было, видимо, отдано вследствие того, что во флотилии имелись какие-то непорядки. 7 апреля 1883 г. учрежденная Черняевым комиссия решила упразднить флотилию, а пароходы продать на слом.

Главным доводом против флотилии было то, что казенное военное пароходство мешает развитию частного, стоит 200 тыс. руб. в год, а пользы приносит мало. Но при этом упускали из виду, что и Аму-Дарья и Сыр-Дарья часто меняют свои фарватеры, периодически мелеют и тогда даже мелкосидящие суда проходили по ним с большим трудом; их пассажиры беспрестанно высаживались на берег и тащили пароходы бичевой. Поэтому срочное пароходство здесь было невысказано. В этих условиях частные кампании требовали больших субсидий, сверх платы за перевозку казенных грузов, и, таким образом, упразднение флотилии обошлось бы казне гораздо дороже, чем ее содержание.

16 июня 1883 г. генерал Черняев телеграфировал из Петербурга требование о высылке в Верховный штаб инвентарной описи всего имущества Аральской флотилии, которое должно было быть передано в виде премии предпринимателям пароходства по Аму-Дарье. Сверх этого им была предложена субсидия в размере 150 тыс. руб. в год.

Конкурентами явились Синельников, Подольский и Российское общество транспортирования кладей. Все они требовали от казны субсидию в 300 тыс. руб. Тогда было решено сдать суда в аренду частным лицам на 24 года, а запасы Казалинского порта уступить по заготовительным ценам.

В случае гибели судов было предложено взыскать за баржу 500 руб., а за пароход — 3000 руб. Охотников на такие условия не нашлось, и портовое имущество (брезенты, канаты, цепи, якоря и т. п.) было передано частью в интендантство, частью в артиллерийский арсенал и инженерное ведомство. Мебель с пароходов была передана на квартиру коменданта и в офицерское собрание г. Казалинска. Хранитель портового имущества подпоручик Румс раздавал всем знакомым посуду, столовое белье и проч. Машины были разобраны, а суда вытащены на берег, где они ржавели и гнили.

Пароход «Самарканд» лежал на дне реки у Перовска. В 1887 г. его пробовали разобрать, истратили 640 руб. на инструменты и рабочих, а вынутые части продали с аукциона за 6 руб. 33 коп. В 1889 г. на аукционах в Казалинске, Перовске и Ташкенте за пароход предлагали 250 руб. Но даже на сделанное в местных газетах (по приказанию командующего войсками генерала Гродекова) предложение — поднять пароход с тем, чтобы вознаграждением за работу служил весь добытый материал, — никто не откликнулся²².

Вместо упраздненной генералом Черняевым Аральской флотилии предлагалось создать Амударьинскую флотилию. Но поскольку пароходы для нее еще не были заказаны, генерал-адъютанту Розенбаху пришлось в 1884 г. восстановить Аральскую флотилию.

²² ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 232, л. 477.

Осенью 1884 г. был спущен на воду паровой баркас «Обручев», который плавал между Казалинском и Перовском. Но Сыр-Дарья значительно обмелела, так как масса воды прорвалась в Яны-Дарью, а потому в 1884 г. «Обручев» сделал только один рейс в Перовск и обратно. Пароходы Аральской флотилии плавали до 1888 г., пока не появилась новая, Амударьинская флотилия.

Суда и другое имущество восстановленной Аральской флотилии находились в очень плохом состоянии. Вот что доносил, например, в рапорте от 20 ноября 1885 г. капитан 2-го ранга Брюхов, на которого было возложено заведывание судами флотилии:

«В настоящее время в упраздненной Аральской флотилии ни одно судно не может быть снабжено теми вещами, которые действительно принадлежали ему, ибо все находится в полном разорении и многого нет. Куда все это девалось и когда могло прийти в такое расстройство? Мне помнится, что все на судах было в полной исправности и налицо. В настоящем состоянии наличные суда флотилии плавать не могут, ибо требуют больших ремонтов и за малым исключением — пополнения всего недостающего инвентаря...»²³.

На этом история Аральской флотилии, собственно говоря, закончилась. Летом 1891 г. пароход Амударьинской флотилии доставил в Чарджуй из Казалинска (из мастерских бывшей Аральской флотилии): четырехсильную паровую машину с проводами; два сверлильных, один строгальный, два токарных станка и один винторез; три гидравлических пресса для резания металла и продавливания дыр. Прочее имущество Аральской флотилии было продано за бесценок.

Что же касается непосредственно возникновения Амударьинской флотилии, то вкратце ее история такова: флотилия была основана 13 ноября 1887 г. Первоначальная цель ее создания определялась в § 1 ее устава следующим образом: «Аму-Дарьинская флотилия имеет назначением: 1) Поддержание срочного буксирно-пассажирского сообщения, а равно перевозку грузов для казны и частных лиц по реке Аму-Дарье. 2) Содействовать войскам Туркестанского военного округа в подвозе боевых, продовольственных и других припасов в мирное время, а также в случае открытия военных действий. 3) Содействовать надобностям Закаспийской военной железной дороги. 4) Производить гидрографические работы»²⁴.

Но фактические функции флотилии оказались гораздо хуже, ибо с первого же года дело было поставлено очень слабо и плохо организовано. Например, полученные ею первоначально два парохода — «Царь» и «Царица» — не могли обеспечить даже срочное буксирно-пассажирское сообщение между Петро-Александровском и Чарджуем (более 400 верст) и между Чарджуем и Керками (более 200 верст). Если пароходы отправлялись для производства гидрографических работ, то прекращалось пассажирское движение, да и вообще пароходы ходили плохо и нерегулярно, вызывая большое недовольство публики. Но все это мало беспокоило высшее начальство и служащих флотилии.

В 1895 г. флотилия пополнилась еще одним пароходом — «Цесаревич». Это было судно особого типа. Первые пароходы — «Царь» и «Царица» — были почти полукилевыми узкими (23 фута) с высокими бортами; каюты у них помещались над палубой; пароходы были

²³ ЦГИАЛ, ф. 1396, оп. 1, д. 232, л. 477.

²⁴ Аму-Дарья и ее флотилия, Составил полковник В. Г. Третеский, Чарджуй, 1906, стр. 5.

громоздкими и сидели глубже 3 футов. «Цесаревич» же построили низкобортным; он напоминал хивинский каюк, на палубе которого громоздились сплошные рубки. Такая конструкция оказалась очень неудачной: пароход получил большой провес посередине, под машиной, и плоское дно его приобрело яйцевидную форму. В 1902 г. «Цесаревич» был капитально перестроен, причем корпус его был сделан почти заново²⁵.

Тем временем, в связи со строительством Термеза, потребовавшим подвоза большого количества различных грузов, флотилия была пополнена еще двумя пароходами: «Великая княжна Ольга» (1899) и «Император Николай II» (1901).

С этого периода и начинаются практически регулярные рейсы пароходов по Аму-Дарье. Постепенно происходит рост пассажирских перевозок и грузооборота флотилии, а в то же время, благодаря ее практической деятельности, расширяется круг научных сведений о характере и особенностях Амударьинского бассейна.

М. И. Йўлдошев

ОРОЛ ФЛОТИЛИЯСИ ТАРИХИГА ДОИР

Мақолада автор янги топган архив ҳужжатларига асосланган ҳолда Орол флотилияси тарихининг қисқача баёнини беради. Бунда автор Орол флотилияси, ундан кейинроқ эса Амударё флотилияси Ўрта Осиё билан Россия ўртасидаги иқтисодий алоқаларни ривожлантиришга ҳамда Амударё ҳавзаси характери ва хусусиятини ўрганишга ўз хиссасини қўшганлигини таъкидлаб ўтади.

---

²⁵ Аму-Дарья и ее флотилия, стр. 7.

**ЗЕМЕЛЬНО-ВОДНАЯ РЕФОРМА 1921—1922 ГОДОВ В ТУРКЕСТАНСКОЙ АССР
И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ**

С первых дней победы социалистической революции и установления Советской власти в Туркестане Коммунистическая партия обратила особое внимание на разрешение земельно-водного вопроса в крае, руководствуясь ленинским «Декретом о земле» и «Основным законом о социализации земли».

Но к началу восстановительного периода аграрный вопрос в Туркестанской республике еще не был разрешен. Земли и воды не были изъяты у крупных баев и кулаков; не везде было ликвидировано и помещичье землевладение, а главное — сохранялись еще пережитки колонизаторской политики русского царизма, существовало огромное неравенство в пользовании водой и землей между коренным и русским населением. Это неравенство создалось в результате колонизаторской политики царизма, отобравшего у коренного населения лучшие земли для русских переселенцев. Всего в Туркестане на 1 января 1915 г. у коренного населения было изъято 4655 тыс. десятин земли, в том числе 1900 тыс. десятин пахотных угодий, клеверников, садов (т. е. свыше 50% культурных земель края)¹.

В 1915 г. переселенцы из России составляли 8% сельского населения Туркестана, а в их руках находилось 50% культурных земель края². Размер казачьего хозяйства по царскому закону 1914 г. определялся в 90—120 десятин (из расчета по 30 десятин удобной земли на душу мужского пола), а на одно киргизское хозяйство, например, приходилось в среднем лишь 1,66 десятины пашни.

В результате жестокой колонизаторской политики царизма коренное население вытеснялось в северные районы пастбищного животноводства и обрекалось на нищету, голод и постепенное вымирание.

Таким образом, одной из первоочередных задач Коммунистической партии и Советской власти в Туркестане была ликвидация тяжелых последствий колонизаторской политики русского царизма в области аграрных отношений и уравнивание в правах на

землю и воду коренного и русского населения.

Для разрешения аграрного вопроса и осуществления ленинской национальной политики в Туркестане крайне необходимо было провести земельно-водную реформу.

Задачи реформы были четко сформулированы в решении ЦК РКП(б) от 29 июля 1920 г., X съезда РКП(б), V съезда Коммунистической партии Туркестана и IX съезда Советов Туркестанской АССР.

В решении ЦК РКП(б) от 29 июля 1920 г. «Об основных задачах РКП(б) в Туркестане» указывалось на необходимость ликвидации отношений, создавшихся между пришлым, европейским населением и коренными народами края, в результате империалистической политики царского самодержавия³.

V съезд Компартии Туркестана (сентябрь 1920 г.), обсудивший земельный вопрос в Туркестанской республике, во исполнение решения ЦК РКП(б) от 29 июля 1920 г. постановил изъять у русских переселенцев-кулаков все земли, экспроприированные и розданные бывшим Переселенческим управлением или захваченные самовольно, оставляя им участки в размере трудовой нормы.

IX съезд Советов Туркестанской республики (сентябрь 1920 г.) определил следующие ближайшие задачи аграрной реформы:

1) ликвидация нетрудовых кулацких и байских хозяйств и распределение земель Туркестанской республики в первую очередь между безземельными и малоземельными батраками, дехканами, чайрикерами по трудовым нормам;

2) уравнивание в правах на пользование землей и водой русского и коренного населения с изъятием у русских переселенцев земельных излишков для землеустройства коренного населения;

3) устройство кочевников, переходящих на оседлое положение⁴.

³ См. «Резолюции и постановления съездов КПТ 1918—1924 гг.», Ташкент, Госиздат УзССР, 1958, стр. 56.

⁴ См. Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 60, оп. 1, д. 1459, л. 106.

¹ ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 1704, л. 11.

² Там же.

Земельно-водная реформа означала дальнейшее развитие социалистической революции в русской деревне, узбекском кишлаке и киргизском ауле. Ее главной задачей было уравнивать в правах на землю и воду русское и коренное население, способствовать ликвидации былого экономического и политического неравенства народов Туркестана, сломить сопротивление буржуазных элементов в деревне — русского и местного кулачества, — укрепить союз пролетариата с крестьянством и Советскую власть в Туркесреспублике.

Одновременно земельно-водная реформа была направлена против феодальных и патриархальных пережитков в сельском хозяйстве Туркестана, тормозивших дальнейшее развитие его производительных сил, осуществление социалистических преобразований, повышение материального и культурного уровня жизни трудового дехканства. Основными пережитками были сохранившиеся еще крупное землевладение, господство издольной натуральной аренды (чайрикерство в различных формах), общинный порядок землепользования, наследственный характер землевладения (по нормам шариата), что вело к бесконечному дроблению земельных участков, массовому обеднению и закабалению трудящихся дехкан.

Следует отметить, что разрешение этих задач в ходе земельно-водной реформы проходило одновременно, хотя конечные результаты их были не одинаковыми. Если первая задача была осуществлена успешно, то вторая проблема была более трудной, и ее нельзя было разрешить за один-два года путем одних революционных мер. Необходимо было создать определенные материальные предпосылки для перехода в решительное наступление против остатков феодальных отношений в сельском хозяйстве Туркестана, повысить классовую сознательность трудового дехканства и т. д. Эта задача была осуществлена в период второй, завершающей и гораздо более широкой и глубокой земельной реформы в Средней Азии, проведенной в 1925—1928 гг.

На основании решений V съезда КПТ и IX съезда Советов ТАССР были разработаны основные положения о землеустройстве, и ТуркЦИК и Совнарком ТАССР утвердили «Положение о землепользовании и землеустройстве в Туркесреспублике» (17 ноября 1920 г.) и «Положение о землеустройстве кочевников, переселенческих поселков и казачьих станиц» (15 декабря 1920 г.).

Наркомзем ТАССР разработал «План землеустроительных работ в Туркесреспублике», одобренный Турккомиссией ЦК РКП(б) и Совнаркомом ТАССР 22 декабря 1920 г. Этим планом были определены районы ударных землеустроительных работ: Семиреченская область (Пржевальский, Пишпекский и Алмаатинский уезды), Сырдарьинская область (Аулиеатинский,

Чимкентский и часть Ташкентского уезда), Ферганская область (Андижанский и часть Ошского уезда). Ударные землеустроительные работы намечалось осуществить на площади 1800 тыс. десятин с охватом около 850 селений⁵. Половину этой земли — 900 тыс. десятин — следовало предоставить для землеустройства 60 тыс. семей коренного населения (по 15 десятин на каждую семью).

Кроме ударных работ, в оседлых районах было решено изъять земли у нетрудовых и эксплуататорских хозяйств и немедленно устроить на них тех трудящихся дехкан, чайрикеров и мардикеров, которые фактически обрабатывали эти участки. Всего предполагалось изъять до 10 тыс. десятин и распределить их между 1000 семей безземельных дехкан.

Намечалось также изъятие излишков (всего до 10 тыс. десятин) сверх утвержденных норм землепользования во всех районах Туркесреспублики, как в русских поселках, так и среди коренного населения. На этих землях предполагалось устроить еще 1000 семей. В фонд для безземельного населения предполагалось обратить также до 100 тыс. десятин земли бывших оброчных статей и подлежащих упразднению советских хозяйств. На этих землях можно было устроить около 8 тыс. семей.

Таким образом, по плану намечалось устроить на площади свыше 1 млн. десятин 70 тыс. семей безземельных и малоземельных дехкан и скотоводов коренного населения республики⁶.

Состоявшийся 22 января 1921 г. в г. Аулиеата первый краевой съезд казахской, киргизской, узбекской бедноты признал «земельную политику Советской власти в Туркестане правильной и отвечающей требованиям киргизской бедноты»⁷ и одобрил программу земельно-водной реформы в Туркесреспублике.

Проведение земельно-водной реформы 1921—1922 гг. в Туркестанской АССР можно разделить на два основных периода.

Первый период продолжался с января по август 1921 г. 21 января 1921 г. Туркбюро ЦК РКП(б) и Исполбюро ЦК КПТ постановили: «Считать ударной задачей проведение земельной реформы в крае...»⁸. В этот период ставилась задача сломить сопротивление русского кулачества, уравнивать в правах на землю коренное и русское население, ликвидировать в основном последствия колонизаторской политики русского царизма в Туркестане.

⁵ См. Партархив Института истории партии при ЦК КПУЗ, ф. 56, оп. 1, д. 190, л. 13.

⁶ См. там же.

⁷ «Известия», орган ЦК КПТ и ЦИК Туркесреспублики, 29 января 1921 г., № 20.

⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-735, оп. 1, д. 201, л. 9.

Х съезд партии (март 1921 г.) в решениях «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» призвал трудящихся узбеков, киргизов, казахов объединиться с трудовыми массами местного русского населения в борьбе за освобождение от кулачества, особенно хищнического великорусского кулачества, и обязал туркестанских коммунистов «помочь им всеми силами и всеми средствами сбросить с плеч кулаков-колонизаторов и обеспечить им, таким образом, пригодные земли, необходимые для человеческого существования»⁹.

Для успешного проведения земельной реформы Коммунистическая партия Туркестана и правительство Туркеспублики провели огромную организаторскую и пропагандистско-агитационную работу в районах ударного землеустройства.

В областные и уездные центры этих районов были направлены руководящие партийные и советские работники. Так, в Семиречье было послано около 100 ответственных партийных и советских работников во главе с членами ЦК КПТ Лепя, Городецким, Великом, Джандосовым¹⁰. Семиреченский обком партии направил в районы землеустройства свыше 250 коммунистов и столько же комсомольцев для ведения разъяснительной работы среди трудового населения.

В каждом уезде были организованы ударные землеустроительные комиссии (земтроек) в составе председателей угоркома партии, угорисполкома и заведующего уездным земотделом.

По решению первого Всетуркестанского съезда киргизской бедноты были мобилизованы и направлены в районы землеустройства 130 лучших представителей казахской и киргизской интеллигенции¹¹.

Были обновлены и укреплены местные Советы и областные земельные органы, мобилизованы специалисты сельского хозяйства, проведены краткосрочные курсы по подготовке инструкторов по земреформе. Весной 1921 г. землеустроительные курсы, организованные Наркомземом ТАССР, окончили около 100 работников, главным образом узбеков, казахов и киргизов¹².

Земельная реформа вызвала массовый революционный подъем беднейших слоев крестьянства, принимавших в ней самое активное участие.

21 января 1921 г. Туркбюро ЦК РКП(б) и Исполбюро ЦК КПТ приняли совместное постановление, в котором отмечалось, что в период проведения земельной реформы следует считать важнейшей зада-

⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, изд. 7-е, М., Госполитиздат, 1954, стр. 561.

¹⁰ «Известия», орган ЦК КПТ и ЦИК Туркеспублики, 16 августа 1921 г., № 181.

¹¹ ЦГА УзССР, ф. Р-29, оп. 3, д. 1967, л. 33.

чей «организацию союза безземельных и малоземельных дехкан»¹³.

Беднейшие слои кишлака и аула объединялись в союзы «Кошчи» и «Чарва», принимавшие активное участие в землеустроительных комиссиях. В 1921 г. в районах землеустройства насчитывалось не менее 200 союзов бедноты (уездных и волостных), охватывавших более 100 тыс. членов¹⁴.

В ходе реформы укреплялся классовый союз киргизской, казахской, узбекской бедноты с беднейшими слоями русского крестьянства Туркестана.

Проходивший в начале июля 1921 г. областной съезд киргизской бедноты и батраков Семиречья решил привлечь на сторону киргизской и узбекской бедноты полупролетарские элементы русской деревни. Выражая чувства и настроения всей бедноты Семиречья и Туркестана, потомственный батрак Худайкулов говорил на съезде:

«Раньше на всяких празднествах русский бедняк и бедняк-киргиз были всегда в задних рядах: киргиз-бедняк участвовал только как джигит уездного начальника, а русский — как кучер какого-нибудь начальника. Теперь не то. Разбита вековая стена национального недоверия, теперь мы все вместе под нашими красными знаменами. Мы — беднота, русские, киргизы, узбеки, татары, труженники всех наций — хозяева земли»¹⁵.

Об укреплении этого союза свидетельствуют, например, такие данные — осенью 1922 г. в северных уездах Семиречья среди членов союза «Кошчи» насчитывалось около 15% русских¹⁶.

На первых порах реформа проводилась чрезвычайными методами, ибо надо было сломить яростное сопротивление колонизаторского кулачества. Кулаки отказывались от весеннего сева, всячески стремились сорвать работу земельно-водных комиссий, угоняли в горы подлежащий отчуждению скот, портили сельхозинвентарь, разрушали арычную систему, применяли вооруженное сопротивление и террор в отношении активных членов земельно-водных комиссий.

Так, в Джалалабадском районе Ферганской области бан и кулаки позвали на помощь шайку басмачей во главе с курбашой Израилем. Бандиты сожгли живыми 9 активных представителей бедноты района, а многих беспощадно избили¹⁷.

¹² Там же.

¹³ Там же, ф. Р-735, оп. 1, д. 201, л. 9.

¹⁴ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 60, оп. 1, д. 1141, л. 16.

¹⁵ «Известия», орган ЦК КПТ и ЦИК Туркеспублики, 19 июня 1921 г., № 133.

¹⁶ Журн. «Жизнь национальностей», М., 1923, № 2, стр. 37.

¹⁷ См. газ. «Красная Фергана», 17 июня 1921 г., № 61.

Особенно сильно сопротивлялись проведению реформы кулаки Семиречья, где органами Советской власти было раскрыто и ликвидировано несколько контрреволюционных банд. Кулаки, баи, манаты распространяли контрреволюционные слухи, что якобы «хотя бы всех русских выселить из Туркестана», запугивали коренное трудовое население угрозами о том, что их кишлаки будут разгромлены.

Но все усилия классовых врагов и их идейных вдохновителей — великодержавных шовинистов и местных буржуазных националистов — сорвать проведение земельно-водной реформы в Туркестане закончились полным провалом.

Советская власть, трудовые массы крестьянства, революционным путем расправляясь с кулаками, баями, манатами, отбирали у них землю, воду, скот, инвентарь и передавали их дехканам-беднякам.

К осени 1921 г. первый ударный период земельно-водной реформы в ТАССР закончился. VI съезд КПТ (август 1921 г.), подводя итоги реформы, указал на ее огромные политические и экономические результаты и отметил, что сопротивление кулацко-колониаторских, а также байско-маналских элементов в основном сломлено и в дальнейшем должно осуществляться планомерное социалистическое землеустройство.

На 1 декабря 1921 г. было ликвидировано 63 самовольческих поселка с 2566 хозяйствами, 3210 хуторов, заимок и отдельных кулацких хозяйств.

В фонд для землеустройства поступило 1 722 625 десятин удобной земли¹⁸, из них 578 481 десятина была выделена для устройства коренного безземельного и малоземельного населения, а также различным организациям и учреждениям¹⁹. Землю получили до 20 000 безземельных и малоземельных дехкан Туркестана²⁰.

Второй период земельно-водной реформы в ТАССР продолжался с сентября 1921 г. по сентябрь 1922 г. Основные задачи реформы на данный период были определены VI съездом КПТ и X съездом Советов ТАССР. Эти задачи заключались в следующем:

1. Закрепить политические и экономические результаты земельно-водной реформы, достигнутые в первый ударный период.

2. Завершить ликвидацию нетрудовых байских и кулацких хозяйств и уравнение в правах на землю и воду коренного и русского населения там, где этого не было сделано в течение первого периода реформы.

3. Приступить к планомерному социалистическому землеустройству земледельческих и скотоводческих хозяйств в районах

¹⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 846, л. 204.

¹⁹ Там же, л. 205.

²⁰ Там же, л. 204.

оседлого земледелия и пастбищного скотоводства²¹.

Надо сказать, что в связи с введением новой экономической политики, известным оживлением частного капитала, ростом кулачества в деревне, а также некоторыми перегибами при проведении земельной реформы, колонизаторские элементы в Туркестане подняли головы и выступили за пересмотр земельной политики Советской власти. Они распускали провокационные слухи, что земельная реформа якобы будет отменена, и у коренного населения вновь отберут земли, переданные ему в 1921 г. Но всем этим пронкам был дан решительный отпор.

16 января 1922 г. ЦК РКП(б) обратился со специальным письмом к Компартии Туркестана, в котором указывалось, что «линия национальной политики в Туркестане ни в какой степени не изменяется так называемым «новым курсом» экономической политики. Глубоко ошибочны и совершенно поверхностны выводы тех товарищей, которые считают, что проведение новой экономической политики в Туркестане должно привести к пересмотру земельной политики Советской власти, например, — пересмотру Семиреченской земельной реформы, возвратившей киргизскому населению захваченные у него земли, эти выводы — суть старое колониаторство под новым флагом, совершенно ложно приписывающее Советской власти готовность вернуть киргиз в кабалу фермеру-кулаку. ЦК РКП(б) санкционировал Семиреченскую земельную реформу (при спешном проведении которой, конечно, могли быть отдельные неправильности и недочеты) и не допустит никакого возврата к прошлому»²².

Это письмо сыграло важную роль в большевизации и сплочении партийной организации Туркестана, вооружив ее конкретной программой борьбы за осуществление ленинской национальной политики и решение земельного вопроса в ТАССР.

В 1922 г. землеустройство в основном велось в Аулиятинском и Чимкентском уездах Сырдарьинской области и в Андижанском уезде Ферганской области — на площади 145 тыс. десятин²³. Велась работа по завершению земельной реформы и в Семиреченской области.

Большую роль в успешном завершении земельно-водной реформы сыграли союзы «Кошчи», участвовавшие в разработке планов землеустроительных работ и контролировавшие их осуществление. Беднейшие слои крестьян увидели в союзе «Кош-

²¹ См. ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 536, л. 75.

²² «Известия», орган ЦК КПТ и ЦИК Туркеспублики, 7 февраля 1922 г., № 28.

²³ См. «Отчет СНК и Экономического Совета Туркеспублики на 1 октября 1922 г.», Ташкент, изд. ТЭС, 1922, стр. 256.

чи» свою классовую пролетарскую организацию на селе, защищающую их интересы, а потому росла тяга бедняков и батраков в союз «Кошчи» в период проведения земельно-водной реформы.

К осени 1922 г. число членов союза «Кошчи» выросло в Сырдарьинской области до 90 тыс., в Семиреченской — до 80 тыс., в Самаркандской — до 30 тыс., в Туркменской — до 30 тыс., в Ферганской — до 25 тыс., в Амударьинской — до 5 тыс., а всего по ТАССР — до 260 тыс. К осени 1922 г. союз «Кошчи» насчитывал, помимо ЦК союза, 6 областных, 32 уездных, более 200 волостных союзов и 2000 аульных и кишлачных объединений²⁴.

В ходе проведения земельно-водной реформы создавались сельскохозяйственные кооперативы и совхозы, осуществлялось социалистическое переустройство сельского хозяйства.

Х съезд Советов ТАССР в резолюции «По земельной политике», принятой 25 августа 1921 г., указал на необходимость «из нетрудовых хозяйств, отчужденных в общегосударственный фонд и имеющих культурную и промышленную ценность, организовать кооперативные, коллективные и советские хозяйства, привлекая в них широкие слои коренного населения, по преимуществу батраков, мардикеров»²⁵.

21 сентября 1921 г. ТуркЦИК издал постановление «О сельскохозяйственной кооперации», предоставившее сельскому населению право образовывать сельскохозяйственные кооперативы как для совместного ведения сельскохозяйственного производства, так и для совместного сбыта продуктов. Поскольку сельхозкооперация была делом первостепенной важности, всем органам Советской власти предлагалось оказывать ей самое широкое содействие.

На конец 1921 г. в республике насчитывалось 307 колхозов, из них в Сырдарьинской области — 53, в Ферганской — 188, в Закаспийской — 19, в Самаркандской — 34, в Семиреченской — 13. Они засеивали тогда 19 394 десятины богарной и орошаемой земли²⁶, в том числе 698,5 десятины хлопчатником²⁷.

На 1 июня 1922 г. в ТАССР насчитывалось 319 зерновых и садоводческих колхозов и 60 хлопководческих кооперативов²⁸.

Значительное развитие получают советские хозяйства. Так, в октябре 1921 г. в ТАССР было 70 полеводческих и садоводческих совхозов с общей площадью до

17 880 десятин земли²⁹. В 1922 г. число совхозов в республике увеличилось до 161, в том числе 84 полеводческих, 12 смешанных, 58 садово-виноградных и 7 животноводческих с общей площадью 40 671 десятина земли³⁰.

В результате огромной работы, проделанной партийными и советскими организациями Туркеспублики при активном участии широчайших масс трудового крестьянства, намеченная программа земельно-водной реформы была успешно выполнена к осени 1922 г.

На 1 октября 1922 г. из фонда землеустройства трудовому крестьянству было передано 659 730 десятин земли, из них орошаемых — 27 374, богарных — 512 770 и неудобных — 119 586 десятин³¹. Основная часть этих земель — 534 471 десятина — была использована на устройство коренного населения³².

В связи с окончанием земельно-водной реформы ВЦИК РСФСР в конце августа 1922 г. обратился к населению Семиреченской области и всей Туркеспублики с разъяснением сущности аграрных мероприятий Советской власти. В обращении говорилось:

«1. Земреформа проводилась в Семиречье с ведома и согласия ВЦИК для уравнения в правах на воду и землю туземного и русского населения. Все то, что проделано Советской властью в области землеустройства, не подлежит изменению, никакому возврату отобранной земли и имущества, обратного вселения и выселения не будет.

2. Так как при спешном проведении земреформы могли иметь место отдельные ошибки, Президиум ВЦИК разбор всех жалоб и претензий, как русского, так и киргизского населения, поручил Комиссии ВЦИК и Совнаркома по делам Туркестана для ликвидации в кратчайший срок.

3. Президиум ВЦИК утвердил решение высших органов Туркеспублики, заключающееся в том, что земреформа является законченной и отныне никакие выселения и конфискации скота и т. п. не могут иметь места»³³.

ВЦИК РСФСР призвал всех трудящихся Семиречья — русских и киргизов — «к мирному труду и братскому сотрудничеству на хозяйственном поприще»³⁴.

Успехи земельно-водной реформы 1921—1922 гг. объясняются ее революционным

²⁴ См. журн. «Жизнь национальностей», 1923, № 2, стр. 37.

²⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 536, л. 77.

²⁶ Там же, ф. Р-29, оп. 3, д. 2053, л. 37.

²⁷ Там же, ф. Р-18, оп. 2, д. 35, л. 21.

²⁸ «Известия», орган ЦК КПТ и ЦИК Туркеспублики, 22 июня 1922 г., № 133.

²⁹ Журн. «Ирригация, сельское хозяйство, животноводство», орган НКЗ ТАССР, 1921, № 1, стр. 19.

³⁰ Отчет СНК и Экономического Совета Туркеспублики на 1 октября 1922 г., стр. 256.

³¹ Там же, стр. 254.

³² Там же, стр. 256.

³³ «Туркестанская правда», 25 августа 1922 г., № 29.

³⁴ Там же.

характером, умелым руководством Коммунистической партии, активным участием в реформе широчайших масс трудового населения Туркестана.

В письме ЦК КПТ Джетысуйской (Семиреченской) областной парторганизации в связи с окончанием реформы отмечалось, что «земельная реформа была успешно проведена потому, что она вызвала, с одной стороны, революционный подъем среди широких трудовых масс туземного населения и, с другой, — выявила неудержимое стремление земледельческой туземной бедноты к оседанию, к более культурной форме хозяйничанья, чем кочевое и полукочевое земледелие»³⁵.

Земельно-водная реформа 1921—1922 гг. имела огромное политическое и экономическое значение для народов Туркестанской АССР.

Во-первых, значение ее состоит в том, что она явилась по своему содержанию аграрной революцией в ранее колонизированных царизмом районах Туркестана, способствовала дальнейшему экономическому раскрепощению трудящихся коренного населения республики, росту их классового самосознания, политической активности и вовлечению в советское строительство. Реформа обеспечила привлечение широких масс трудящихся коренного населения на сторону Советской власти и тем самым упрочила политическое положение Туркестанской Республики.

Во-вторых, земельно-водная реформа нанесла серьезный удар по русским кулакам-колонизаторам, подорвала их экономическую основу и тем самым способствовала их вытеснению. В результате реформы было сломлено сопротивление эксплуататорских, колониаторских элементов.

В-третьих, реформа еще более укрепила дружбу народов Туркестана с великим русским народом, упрочила классовый союз пролетариата с крестьянством и интернациональный блок русской бедноты с беднотой коренного населения.

В-четвертых, земельно-водная реформа нанесла серьезный удар по эксплуататорским элементам из коренного населения — баям, манапам, торговцам и др., значительно подорвав их экономические возможности.

³⁵ Партархив Института истории партий при ЦК КПУз, ф. 60, оп. 1, д. 1838, л. 115.

В-пятых, земельная реформа привела к дальнейшему расслоению, осереднячиванию русской деревни, узбекского кишлака и киргизского аула, укрепила социальную базу диктатуры пролетариата на селе и создала необходимые политические и экономические предпосылки для социалистического преобразования сельского хозяйства Туркестана. В ходе реформы значительно выросло число кредитных кооперативов, колхозов и совхозов.

В-шестых, земельная реформа способствовала решению важнейшей задачи — переходу на оседлое положение значительного числа хозяйств кочевников, которые наделялись землей, сельхозинвентарем, скотом и приобщались к земледельческому хозяйству, к культурной и политической жизни республики, порывая с пережитками феодального и родового быта.

В-седьмых, основное экономическое значение земельно-водной реформы состоит в том, что она увеличила производительные силы республики в результате наделяния десятков тысяч трудящихся крестьян землей, водой, скотом, сельхозинвентарем; позволила укрепить трудовые крестьянские хозяйства и рыночные связи между городом и деревней.

Проведение земельно-водной реформы 1921—1922 гг. явилось большой политической школой для коммунистов Туркестана. В ходе реформы был нанесен сокрушительный удар по колониаторским элементам, пытавшимся сорвать ее проведение, а также по буржуазно-националистическим элементам, стремившимся раздуть национальную вражду между народами Туркестана. Компартия Туркестана проявила политическую твердость и зрелость в ходе реформы, окрепла идейно и организационно, вновь доказала свою преданность делу коммунизма и способность решать большие хозяйственно-политические задачи.

Земельно-водная реформа 1921—1922 гг. способствовала хозяйственному, политическому и культурному возрождению народов Туркестана и явилась важным шагом в борьбе за ликвидацию их фактического неравенства, за социалистическое переустройство Туркестанской АССР.

М. П. Новиков

О ПОМОЩИ ВЕЛИКОГО РУССКОГО НАРОДА В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ БНСР (1920—1924 ГОДЫ)

С первых же дней победы в Бухаре народной советской революции 1920 г. Коммунистическая партия и Советское правительство БНСР стали уделять большое внимание вопросам культурного строительства и прежде всего ликвидации неграмотности и развитию культурно-просветительной работы среди трудящихся

города и деревни в целях повышения их политической сознательности, общего культурного уровня и вовлечения широких народных масс в активное строительство новой жизни.

Как известно, советское строительство в Бухаре проходило в исключительно сложных условиях в связи с глубокой экономи-

ческой, политической и культурной отсталостью этой бывшей колонии царизма, причем эти трудности еще более усилились в результате гражданской войны и иностранной военной интервенции.

В этих условиях решающее значение для политического, экономического и культурного развития Бухарской НСР имела всесторонняя братская помощь великого русского народа и других народов нашей страны.

В. И. Ленин указывал, что «пролетариат передовых стран может и должен помочь отсталым трудящимся массам, и что развитие отсталых стран может выйти из своей нынешней стадии, когда победоносный пролетариат Советских республик протянет руку этим массам и сможет оказать им поддержку»¹.

Руководствуясь принципами пролетарского интернационализма, Коммунистическая партия и правительство Советской России во главе с В. И. Лениным оказали молодой Бухарской Народной Советской Республике всемерную помощь в упрочении народной Советской власти, восстановлении народного хозяйства и развертывании культурного строительства в Бухаре.

15 ноября 1920 г. В. В. Куйбышев по поручению СНК РСФСР заключил временный договор с правительством БНСР «О слиянии русских поселений с БНСР»². По этому договору РСФСР бескорыстно передала Бухарской республике всю территорию и предприятия русских поселений в Бухаре, ранее входивших в состав Туркестана.

В связи с тяжелым экономическим положением молодой Бухарской республики правительства РСФСР, ТАССР и других советских республик оказывали ей большую финансовую и материальную поддержку. Так, в конце октября 1920 г. БНСР получила от РСФСР и Советского Туркестана 1 млрд. руб., 200 тыс. аршин мануфактуры, 60 тыс. пудов керосина и нефти, вагон спичек, вагон посуды и т. д.

Туркестанская АССР выделила для строительства ирригационных каналов в Бухаре необходимые денежные средства, материалы, квалифицированных строителей и продовольствие³. Для борьбы с сельхозвредителями из Туркеспублики в БНСР было направлено 200 работников и прислано 12 конных и 48 ранцевых аппаратов, а также 250 пудов ядов⁴.

В соответствии с договором от 19 июня 1922 г. РСФСР предоставила БНСР беспроцентный заем в 50 млрд. руб.⁵, а 9 ав-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 31, стр. 219.

² Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 14, оп. 1, д. 15, л. 1.

³ «Известия ТуркЦИК», 16 марта 1922 г.

⁴ «Известия ТуркЦИК», 7 апреля 1922 г.

⁵ ЦГАОР СССР, ф. 4085, оп. 18, д. 275, л. 9.

густа 1922 г. между РСФСР и БНСР было подписано новое экономическое соглашение.

Большую роль в подъеме народного хозяйства БНСР сыграло осуществленное в марте 1923 г. экономическое объединение трех среднеазиатских республик — ТАССР, БНСР, ХНСР. С этого времени еще более усилилась хозяйственно-финансовая помощь Туркестанской АССР Бухарской республике.

В частности, ТАССР помогла организовать в Бухаре показательные агрономические пункты и взяла на себя часть расходов по их содержанию⁶. С помощью туркестанских специалистов в Бухаре была открыта первая опытно-показательная агрономическая станция⁷. В мае 1924 г. из ТАССР в Бухару для борьбы с саранчой был отправлен инструкторский штат со 120 конными машинами и 2 тыс. пудов яда⁸. Советский Туркестан оказывал Бухаре большую финансовую помощь.

Бухарской республике помогали и народы Советского Закавказья. Например, в сентябре 1923 г. грузинские специалисты построили в БНСР электростанцию, телефон и т. д.⁹

Осуществлявшаяся под руководством Коммунистической партии всесторонняя братская помощь великого русского народа и других народов нашей страны сыграла важную роль в восстановлении народного хозяйства БНСР и подготовке материальных условий для социалистического преобразования республики.

Огромная помощь была оказана Бухарской республике и в развертывании культурного строительства, ликвидации неграмотности и политическом воспитании широких трудящихся масс.

Еще в сентябре 1920 г. в Бухару прибыл инструкторско-агитационный поезд ВЦИК «Красный Восток», коллектив которого провел в БНСР большую агитационно-массовую работу. Агитаторы и инструкторы агитпоезда побывали не только в г. Бухаре, но и в отдаленных кишлаках, где устраивали массовые митинги, беседы и доклады¹⁰. Бухарской республике помогал и отдел интернациональной пропаганды III Коминтерна. Так, он отправил в Бухару 12 тыс. агитплакатов, которые были распространены затем во многих кишлаках¹¹.

⁶ «Туркестанская правда», 16 апреля 1924 г.

⁷ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 14, оп. 1, д. 835, л. 8.

⁸ «Туркестанская правда», 4 мая 1924 г.

⁹ «Туркестанская правда», 15 сентября 1923 г.

¹⁰ «Известия ТуркЦИК», 24 сентября 1920 г.

¹¹ «Известия ТуркЦИК», 22 октября 1920 г.

4 марта 1921 г. между РСФСР и БНСР был заключен союзный договор, в котором говорилось: «...Российская Федеративная Советская Республика безоговорочно признает полную самостоятельность и независимость Бухарской советской республики... РСФСР обязуется взять на себя помощь трудящимся Бухары посылкой в распоряжение правительства БНСР инструкторов, ...педагогов, учебных пособий, литературы, материалов для оборудования типографии и т. д.». Вскоре из Центральной России и ТАССР в Бухарскую республику было прислано 6500 экз. различных учебников и литературы, 3450 пудов бумаги, большое количество канцпринадлежностей и т. п.¹²

Сразу же после создания БНСР Наркомпрос ТАССР послал в Бухару группу учителей, врачей, сельскохозяйственных работников, а также учебники, киноустановки, кинофильмы и т. д. В частности, было послано в Бухару 10 000 азбук и других книг и 2 киноаппарата.

В конце сентября 1920 г. партийные и профсоюзные организации Туркестанской АССР, особенно Самаркандской области, учитывая всю важность налаживания советского строительства в БНСР, направили в Бухару 50 опытных партийно-советских работников.

Правительство ТАССР командировало в Бухару ряд артистов, чтобы они ознакомили трудящихся республики с новым, советским искусством и оказали практическую помощь молодому театральному коллективу БНСР. В апреле 1921 г. в Бухару приехали известные артисты — Юсуф Кизичи, Мария Кузнецова и др.

Особенно большую роль в развитии советской культуры в Бухаре сыграл приезд Хамзы Хаким-заде Ниязи. Он поставил там свои пьесы («Ферганская трагедия», «Бай и батрак» и др.), участвовал в нескольких концертах, вечерах, развернул большую агитационно-пропагандистскую работу и т. д. Кратковременное пребывание Хамзы в Бухаре оказало большое влияние на строительство новой, советской культуры в БНСР.

РСФСР и ТАССР оказали большую помощь и в организации народного здравоохранения в БНСР. В соответствии с решением правительства РСФСР в ноябре 1921 г. РВС Туркфронта отдал приказ о передаче ряда военных госпиталей (в Старой Бухаре, Чарджие, Керках и Термезе) со всем их оборудованием и штатами работников в полное распоряжение БНСР¹³. В декабре 1921 г. из Москвы в Бухару поступило оборудование для 4 больниц, а также прибыла группа медицинских работников.

Благодаря бескорыстной помощи РСФСР и ТАССР в 1922—1923 гг. в БНСР было создано 8 больниц, 9 амбулаторий, 10 фельдшерских пунктов, 6 малярийных станций¹⁴.

В июле 1923 г. в БНСР прибыло полное оборудование для клиники, 5 малярийных станций, нескольких больничных лабораторий, рентгеновского кабинета, родильного дома, глазной клиники, детской амбулатории, а также 1,5 т хинина¹⁵. Это позволило открыть в БНСР несколько амбулаторий и фельдшерских пунктов. В Бухару была отправлена также специальная экспедиция для борьбы с эпидемиями и проведен ряд других мероприятий в области народного здравоохранения.

24 декабря 1923 г. в Старой Бухаре был открыт Бухарский тропический институт¹⁶. Работники института вскоре сумели уничтожить многие очаги малярии. Тропический институт изучал такие опасные заболевания, как лейшманиоз, ришта и др., и разрабатывал методы борьбы с тропическими болезнями в местных условиях.

Таким образом, помощь органов народного здравоохранения РСФСР являлась важнейшим фактором в развитии советской системы здравоохранения в БНСР.

Большим событием в жизни БНСР было создание в сентябре 1923 г. совместно с ТАССР объединенного издательства, что позволило издавать в Ташкенте учебную и научную литературу для БНСР.

В июне 1922 г. в Бухаре была организована Государственная театральная труппа. Для руководства театром из Ташкента был приглашен известный режиссер узбекской сцены М. Уйгур. Он охотно передавал свой опыт местным артистам и часто выезжал с театральным коллективом в различные вилояты БНСР.

РСФСР и Туркестанская АССР помогали Бухарской республике создавать кадры молодых специалистов для нужд хозяйственного и культурного строительства. Например, в 1920—1921 гг. в РСФСР из БНСР было отправлено на учебу 30 человек молодежи местных национальностей¹⁷, а летом 1922 г. на учебу в Москву и Туркестан был послан еще 221 человек¹⁸.

В целях расширения и улучшения подготовки специалистов для БНСР правительство РСФСР решило открыть в Москве Бухарский дом просвещения. Большую роль в этом деле сыграл секретарь ЦК РКП(б) В. В. Куйбышев, хорошо знавший положение в БНСР. По его инициативе ЦК РКП(б) принял следующее постанов-

¹⁴ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 14, оп. 1, д. 823, л. 26.

¹⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-48, оп. 1, д. 754, л. 151.

¹⁶ Там же, д. 194, л. 51.

¹⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-48, оп. 1, д. 182, л. 405.

¹⁸ Там же, ф. Р-56, оп. 1, д. 89, л. 17.

¹² ЦГА УзССР, ф. Р-56, оп. 1, д. 25, л. 20, 35; д. 112, л. 36.

¹³ ЦГА УзССР, ф. Р-48, оп. 1, д. 22, л. 224.

ление: «Признавая необходимость организации школы детей граждан БНСР в Москве при представительстве Бухары за счет этой республики, предложить Наркомпросу принять на себя заботы по организации школы, оказывая ей всемерное содействие, признать необходимым срочный отвод Моссоветом помещения для школы»¹⁹.

Бухарский дом просвещения был открыт в Москве 1 мая 1923 г. Основной целью его было распределение слушателей, приехавших из Бухары, «по всем категориям учебных заведений СССР»²⁰.

В мае 1923 г. воспитанники Бухдомпроса распределялись следующим образом: «12 человек старшего возраста обучались на рабфаках и в КУТВ, 7 — готовились к рабфакам, посещая вечерние курсы, 11 работали и учились в типографии «Красный Восток»²¹.

В начале 1924 г. в ведении Бухдомпроса находилось 172 ученика: на рабфаках — 20, в КУТВ — 6, в военных школах — 7, на Зарайской фабрике — 7, в московских школах I и II ступеней — 5; остальные 127 человек обучались в Бухдомпросе²². Из Бухдомпроса вышли замечательные ученые, артисты и т. д., как например, покойный профессор А. Алиев, народные артисты УзССР С. Табибуллаев, Н. Лутфуллаев и многие другие.

В конце 1924 г. в Москве обучалось 220 человек²³, а в других городах РСФСР и Туркестане — 558 человек из БНСР, в том числе 25 женщин.

Учитывая острую нужду Бухарской республики в квалифицированных кадрах, руководящие органы ТАССР командировали в Бухару 350 специалистов различного профиля.

С помощью РСФСР в БНСР была создана первая собственная кинематография. В апреле 1924 г. в Москве было образовано Бухаро-русское кинотоварищество²⁴, что создало реальную базу для производства кинокартин в БНСР. В соответствии с договором, заключенным с «Севзапкино», 14 апреля 1924 г. в БНСР выехали кинооператоры во главе с т. Посельским²⁵.

С помощью русских киноработников Бухарский кинопроект приступил вначале к выпуску киножурналов, а в 1925 г. вышел на экран первый узбекский фильм «Башня смерти» (режиссер А. Висковский, операторы Ф. Вериги и С. Беляев), созданный «Севзапкино» и Бухаро-русским кинотова-

риществом и в основном снимавшийся в Бухаре. 25 сентября 1925 г. был выпущен на экран художественный фильм «Мусульманская дочь», созданный товариществом совместно с «Пролеткино». Сценарий для фильма написал приехавший из Москвы режиссер Д. Н. Басалич, снимал фильм оператор В. Добранский. Фильм был посвящен борьбе за раскрепощение местных женщин. Крупным событием в истории кино в Узбекистане было то, что в этом фильме впервые играли узбечки — Сайдалиева и Рахматова²⁶.

Научные организации РСФСР и ТАССР сыграли большую роль в изучении природных богатств, истории, искусства, литературы и языков народов БНСР.

Так, в изучение истории музыкальной культуры Бухары ценный вклад внесли русские композиторы Н. Н. Миронов, Б. А. Успенский и др. Историю Бухары внимательно изучали такие крупные специалисты, как В. В. Бартольд и др.

С помощью русских ученых и архитекторов развернулась работа по выявлению, изучению, охране и реставрации лучших памятников старинной архитектуры и искусства.

30 июня 1924 г. при Научной ассоциации востоковедения СССР в Москве состоялось особое совещание по вопросу объединения научных работ в Средней Азии. 12 октября 1924 г. в Бухаре была создана Комиссия по охране памятников старины и искусства²⁷.

К работе Бухкомстариса были привлечены известные ученые и архитекторы — проф. Б. П. Денике, архитекторы Б. Н. Засыпкин и проф. М. Я. Гинзбург. Они осмотрели такие памятники, как мавзолей Исмаила Саманида, мазар Баян-Кули-хана, медресе Мир-Араб, Кукельдаш и др.²⁸

Ярким проявлением заботы великого русского народа о подъеме экономики и культуры Бухарской республики явилось установление в начале 1924 г. шефства Красно-Пресненского района г. Москвы над БНСР. Шефы послали в Бухару специальные бригады для ознакомления с положением дел в республике, выясняли ее нужды и помогали народам Бухары строить новую жизнь. Например, 14 марта 1924 г. трудящиеся Красно-Пресненского района послали в Бухару 8 портретов В. И. Ленина, свыше 1000 учебников и книг, газеты «Вечерняя Москва», «Рабочий» и т. д.

9 июля 1924 г. расширенное заседание пленума Красно-Пресненского райсовета приняло решение: «Усилить работу по идейному и культурно-просветительному шефству трудящихся Красной Пресни над

¹⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-43, оп. 1, д. 162, л. 57.

²⁰ Юбилейный сборник Бухдомпроса, М., 1924, стр. 19.

²¹ Там же, стр. 21.

²² ЦГА УзССР, ф. Р-48, оп. 1, д. 239 л. 149.

²³ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 14, оп. 1, д. 352, л. 84.

²⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-56, оп. 1, д. 81, л. 2.

²⁵ Там же, д. 84, л. 25.

²⁶ Узбекистон кинематографияси, Тошкент, Уздавнашр, 1958, стр. 3.

²⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-394, оп. 1, д. 93, л. 6.

²⁸ Там же, д. 823, л. 5.

трудящимися Бухары. По фабрикам и предприятиям района решено провести широкую кампанию. Собранные средства будут брошены на приобретение библиотек и устройство в Бухаре уголков Ленина. Заседание признало необходимым регулярно снабжать Бухару кинолентами политико-общественного характера и изготовить в подарок знамя²⁹.

К концу 1924 г. в Бухарской НСР благодаря неустанной заботе Коммунистической партии и огромной помощи великого русского народа, народов ТАССР и других советских республик успешно действовало 70 школ, 2 учительских института, 14 библиотек, музей, кино, театр, несколько

клубов, красных чайхан, периодическая печать и др.

Неоценимая братская помощь великого русского народа и других народов СССР сыграла решающую роль в успешном экономическом, политическом и культурном развитии народов БНСР, преобразовании ее в социалистическую республику и упрочении нерушимой дружбы народов нашей страны — одной из величайших движущих сил советского общества.

А. Уралов

²⁹ «Туркестанская правда», 13 июля 1924 г.

ИЗ ИСТОРИИ НОЯБРЬСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАЧКИ 1905 ГОДА В ТУРКЕСТАНЕ

Революция 1905—1907 гг. подняла на борьбу за свое освобождение широкие массы рабочего класса царской России, в том числе и пролетариат Туркестанского края. Впервые рабочие и солдаты далекой окраины начали совместное выступление против существующего строя.

Особенно широкого размаха забастовочное движение в Туркестане достигло в октябре-ноябре 1905 г.

Участие в Октябрьской всеобщей политической стачке обогатило рабочих края опытом революционной борьбы и содействовало их политическому росту. Этот опыт был использован ими в дни ноябрьской всеобщей забастовки, начатой в знак протеста против расправы над солдатами, восставшими в Ташкентской крепости в ночь с 15 на 16 ноября 1905 г.

Как и в дни Октябрьской стачки, забастовку начали рабочие Главных среднеазиатских железнодорожных мастерских.

Ранним утром 16 ноября раздался тревожный гудок Среднеазиатских мастерских, на который ответили Оренбург-Ташкентские мастерские. Гудки призывали рабочих на митинг. Собравшись на привокзальной площади, рабочие решили объявить трехдневную забастовку протеста.

Выполняя это решение, рабочие и служащие железнодорожных мастерских во главе с председателем стачечного комитета А. Гольбертом «овладели станцией Ташкент и присвоили себе исключительное распоряжение движением поездов и железнодорожным телеграфом». Как и во время Октябрьской стачки, было прекращено движение всех составов, за исключением водяных.

В тот же день за подписью А. Гольберта и других членов стачкома по всей линии Среднеазиатской железной дороги была послана телеграмма: «Сегодня ночью

коварным образом перестреляли солдат Ташкентского резервного батальона, мирно забастовавших и возмущенных. В знак сочувствия к погибшим товарищам-солдатам, мы объявили забастовку, пока не определяя время. Мы уверены, что наши товарищи присоединятся к нам, ташкентцам... Просим Центральный комитет объявить по всей линии забастовку».

Во многих городах Туркестана — Мерве, Чарджуе, Кизыл-Арвате, Казанджике и т. д. — состоялись массовые митинги протеста, и повсюду принималось решение: «Объявить общую забастовку, цель которой заявить протест правительству за возмутительный поступок в Ташкенте — резню солдат Ташкентского резервного батальона в ночь с 15 на 16 ноября»³.

Участники митингов требовали удаления из края генерал-губернатора Сахарова и других виновников расстрела солдат, а также созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, обеспечения действительной неприкосновенности личности, свободы слова, собраний, сходок.

В своих выступлениях социал-демократы оценивали восстание солдат как положительный факт, но считали большой ошибкой отсутствие у них договоренности с рабочими, что и привело к поражению восстания. «Только вместе с нами, — говорили они, — можно отстоять общее дело свободы»⁴.

Таким образом, ноябрьская забастовка, начатая в знак протеста против расстрела солдат в крепости, как и забастовка в октябре, носила политический характер.

В эти дни особенно ярко проявились принципиальные различия в тактике большевиков и эсеров. Эсеры после подавления восстания в крепости настаивали на

³ Архив Музея истории АН УзССР, инв. № 1374, 12/6, папка 2, стр. 30.

⁴ Газ. «Самарканд», 4 декабря 1905 г.

терроре, как на необходимой мере борьбы с правительством. Большевики же выступали против террора, указывая, что только общее восстание всех рабочих, поддержанное солдатами, может принести победу.

Ташкентская группа РСДРП призывала рабочих и солдат к дальнейшей борьбе с самодержавием. Так, в листовке «К товарищам-солдатам!» говорилось: «...Пусть не смущает вас первая неудача; жертвы были и будут. Не плачьте над трупами павших борцов! За дело! Организуйтесь и вместе пойдем в решительную схватку». В ряде прокламаций — «Мы бастуем...», «История смеется», «Простые речи о врагах и друзьях» и др. — большевики разъясняли антинародную, реакционную политику царского правительства и призывали трудящихся к борьбе с ним.

Как и в октябрьские дни, забастовкой руководил Ташкентский стачечный комитет. В отличие от Центрального стачечного комитета, находившегося в Асхабаде, Ташкентский стачком был полностью в курсе развернувшихся событий. Сюда поступали сведения о примкнувших к забастовке станциях, просьбы вступить за уволенных со службы, предложения об организации снабжения бастующих продовольствием, сообщения о создании стачкомов на станциях и т. д.⁵ Для нуждающихся рабочих был создан стачечный фонд, куда поступали деньги от населения, желавшего помочь бастующим⁶.

Уже к утру 17 ноября по всей дороге прекратилось движение товарных поездов. Они были оставлены на тех станциях, где их застала весть о начавшейся забастовке, а паровозы, «доведенные до ближайших депо, лишены необходимых для движения принадлежностей». Работы в мастерских по линии железной дороги прекратились, кроме тех, которые были необходимы для поддержания в исправном виде пути и путевых сооружений. Была прекращена выдача грузов. Телеграф полностью перешел в ведение бастующих. Ни одна телеграмма не принималась и не отправлялась без разрешения стачкома.

Вместе с железнодорожниками забастовали рабочие и служащие многих промышленных предприятий и учреждений Туркестана.

На ст. Черняево железнодорожники и рабочие городских предприятий в первый же день стачки организовали демонстрацию с красными флагами и пением революционных песен («Марсельезы», «Дубинушки» и др.). Демонстрация проходила под лозунгом солидарности с бастующими ташкентцами⁷.

В Чарджуе вместе с железнодорожниками забастовали рабочие городских пред-

приятий, рабочие и служащие Аму-Дарьинской флотилии, а также солдаты железнодорожных батальонов. Станция и телеграф оказались в их руках: действия местной полиции были парализованы⁸.

В Мерве, где местный стачечный комитет пользовался большим авторитетом, забастовку рабочих поддержали солдаты 2-й железнодорожной роты⁹.

В Самарканде с резким протестом против расправы над солдатами Ташкентской крепости выступили солдаты 1 и 2-го Закаспийских железнодорожных батальонов: в течение нескольких дней они не выходили на работу.

В Кизил-Арвате к стачке рабочих примкнул весь гарнизон — 49-я рота 1-го Закаспийского батальона.

Еще 16 ноября работники почт и телеграфа Туркестанского края включились во всероссийскую почтово-телеграфную забастовку¹⁰, и в результате прервалось телеграфное сообщение Ташкента с Европейской Россией¹¹.

В этот же день забастовали почтальоны Ташкента¹², а затем рабочие и служащие трамвая и ряда других предприятий города.

Даже в эмирской Бухаре 17 ноября забастовало 9 хлопкозаводов, в том числе в Кермине, Кзылтепе и др. Забастовка продолжалась здесь и после того, как предприниматели пригрозили «закрыть заводы, а рабочих расчитать»¹³. Следует отметить, что обслуживающий персонал этих предприятий состоял из рабочих местных национальностей.

Октябрьская и ноябрьская стачки, как и весь ход революционных событий, не могли не привлечь пристального внимания рабочих коренных национальностей. Например, рабочие-узбеки Ташкента все чаще стали посещать митинги и требовать, чтобы к ним, в «старый город», присылались представители для разъяснения происходящих событий. Среди участников митингов можно было часто видеть Мирзаахмеда Мирходнева и других рабочих местных национальностей. Возвращаясь с митингов, они делились впечатлениями и полученными сведениями со своими товарищами, и таким образом население «старого города» знакомилось с борьбой туркестанского пролетариата.

В развернувшейся стачечной борьбе активно участвовали рабочие-узбеки — Барат Икрамов, Атамурад Шермухамедов,

⁸ Там же, ф. И-725, оп. 1, д. 48, л. 258—259.

⁹ Там же, д. 43, л. 101—102.

¹⁰ Там же, ф. И-1, оп. 31, д. 319, л. 111.

¹¹ Газ. «Туркестанские ведомости», 18 ноября 1905 г.

¹² «Туркестанские ведомости», 20 ноября 1905 г.

¹³ ЦГА УзССР, ф. И-18, оп. 2, д. 200, л. 89—91.

⁵ ЦГА УзССР, ф. ПУ Средаз. ж.-д., д. 15, л. 16, 20, 29.

⁶ Там же, ф. И-989, оп. 1, д. 1, л. 148 об.

⁷ Там же, ф. И-1, оп. 31, д. 319, л. 138.

Абдукарим Ашуров, Дуст Мухаммедович Устабаев и др.

В воспоминаниях С. Касымходжаева отмечается, что с лета 1905 г. рабочие-узбеки принимали участие в демонстрациях и нелегальных собраниях, а сам он «вел революционную агитацию среди местного населения»¹⁴.

18 ноября к забастовке примкнули рабочие и солдаты далекой Кушки. На собрании, проведенном в тот же день, ораторы призывали «к свержению всех военных властей крепости». По линии железной дороги была послана телеграмма с требованием немедленного удаления коменданта крепости генерала Прасолова.

В ответ на это Прасолов объявил Кушку на осадном положении, арестовал активных участников движения и предал их военно-полевому суду. Суд приговорил инженера Соколова, поручика Андреева, десятника Морозова, слесаря Лазаренко и других к смертной казни через повешение. На видном месте, по указанию коменданта, была устроена виселица «для устрации арестованных, которым до приезда следственной комиссии даже не выдавали пищи»¹⁵.

22 ноября 1905 г. телеграмма о событиях в Кушке была получена Центральным стачечным комитетом в Асхабаде. Некоторые члены комитета предлагали, используя вооруженные силы, взять в области власть в свои руки и двинуться на Кушку. В это время от отдельных воинских частей поступали сообщения о готовности их выступить с оружием в руках по первому слову Центрального комитета.

Однако соглашательская часть Центрального стачечного комитета ограничилась отправкой по линии телеграммы с извещением о событиях в Кушке и с призывом продолжать забастовку до «удовлетворения требований об удалении генералов Сахарова и Прасолова от должности»¹⁶.

Со всех сторон Туркестанского края в адрес председателя Совета министров графа Витте и Всероссийского железнодорожного союза отправлялись телеграммы с требованием отмены смертной казни и с предупреждением о продолжении забастовки до удовлетворения этого требования¹⁷.

Во многих местах создавались новые стачечные комитеты. Так, в Арыси «на общем собрании служащих и рабочих..., состоявшемся 22—23 ноября, организовали местный комитет»¹⁸. Даже некоторые офицеры были возмущены действиями генерала Прасолова и просили командующего войсками принять меры против его дей-

ствий¹⁹. Рабочие соглашались приступить к работе только после удаления из края Сахарова и Прасолова.

Московские железнодорожники послали телеграмму графу Витте с требованием отменить приговор о казни²⁰. Самарские железнодорожники потребовали не только отмены решения суда, но и предания суду коменданта крепости Кушка²¹. Такие же телеграммы были посланы из Балашова и Курска, а рабочие железнодорожных мастерских ст. Старосельск Юго-Западной железной дороги 24 ноября объявили забастовку. На сходке, состоявшейся в мастерских, «было постановлено послать от имени всех служащих телеграмму графу Витте, министру путей сообщения и начальнику дороги с требованием отмены смертной казни, и впредь, до получения ответа к работам не приступать и поездов не отправлять»²².

25 ноября состоялось собрание рабочих и служащих Среднеазиатской и Оренбург-Ташкентской железных дорог и городских рабочих Ташкента. На собрании была принята резолюция, предложенная Ташкентской группой РСДРП, в которой отмечалось, что «события повседневной жизни и особенно факты последних дней — объявление крепости Кушка на осадном положении, предание Соколова, Симонова, Лазаренко и Тодвиза военно-полевому суду привели нас к твердому и непоколебимому убеждению, что доколе существует ненавистное царское самодержавие, дотеле никто из граждан не может быть гарантирован от насилия и произвола со стороны подлых слуг Николая Романова.

Мы высказываем наше негодование и презрение всем коронованным и некоронованным палачам и шлем свое горячее сочувствие жертвам дикой воли гнусных тиранов.

Мы протестуем против смертной казни и бросаем проклятие в лицо убийц...

Мы выражаем глубокую уверенность, что только окончательное уничтожение самодержавия, созыв Учредительного собрания на началах всеобщего, прямого, равного, тайного голосования и выработанные представителями всего народа основные законы обеспечат нас и нашу жизнь, и нашу личную неприкосновенность, и истинную сво-

¹⁴ Сб. «Революция 1905—1907 гг. в Узбекистане», Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1955, стр. 128.

¹⁵ Сб. документов «Начало революционного движения в Туркмении в 1900—1905 гг.», Ашхабад, 1946, ч. II, стр. 225.

¹⁶ ЦГА УзССР, ф. И-133, оп. 1, д. 147а, л. 30—39.

¹⁷ Там же, ф. И-1, оп. 31, д. 325а, л. 28—29.

¹⁸ Там же, ф. И-989, оп. 7, д. 15, л. 28—29.

¹⁹ Там же, ф. И-725, оп. 1, д. 47, л. 77.

²⁰ Там же, ф. И-1, оп. 31, д. 325а, л. 174—175; газ. «Самарканд», 24 января 1905 г.

²¹ ЦГА УзССР, ф. И-725, оп. 1, д. 41, л. 10.

²² Там же.

боду в свободном государстве — демократической республике»²³.

Кушкинские события привлекли к себе внимание даже зарубежной прессы. В частности, о них сообщала французская социалистическая газета «Юманите»²⁴.

Опасаясь всеобщей забастовки, Сахаров отправил Прасолову телеграмму, в которой говорилось «о подсудности дела Соколова и других не военному, а гражданскому суду» и отмечалось, что «о смертной казни не может быть и речи»²⁵.

Вечером 29 ноября было получено сообщение о том, что исполнение приговора над Соколовым и другими приостанавливается по распоряжению военного министра, и дело подлежит пересмотру.

Генерал Прасолов пытался расправиться не только с организаторами забастовки в Кушке, но и объявил «крестовый поход» против революции. Он снарядил карательную экспедицию и двинулся с ней по линии железной дороги, арестовывая повсюду членов стачечных комитетов и отправляя их под конвоем в Кушку.

Деятельность «ретивого» генерала вызвала беспокойство даже у представителей царской администрации края и они предложили Прасолову прекратить свой «поход» и вернуться в Кушку.

Одновременно царские власти всеми средствами старались подавить забастовку. По их распоряжению были заняты войсками железнодорожная станция Ташкент и телеграф, а также станции и вокзалы в Самарканде, Мерве и других городах. Усились аресты руководителей революционных выступлений.

23 ноября, в целях срыва забастовки, была уволена половина рабочих со строительства Оренбург-Ташкентской железной дороги. Администрация требовала открытия движения по железной дороге, которую Сахаров объявил на военном положении, приказав призвать «на действительную службу в железнодорожные батальоны... всех чинов запаса, находящихся на службе данной дороги».

29 ноября 1905 г. генерал-губернатору края и губернаторам областей было разрешено, в случае прекращения железнодорожных, почтовых и телеграфных сообщений, объявлять в соответствующих местностях положение об усиленной или чрезвычайной охране, причем им присваивалось звание «главноначальствующих»²⁶.

²³ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 31, д. 325а, л. 32.

²⁴ См. А. Росляков, Революция 1905—1907 гг. в Туркменистане, журн. «Коммунист Туркменистана», 1955, № 3, стр. 38.

²⁵ Начало революционного движения в Туркмении в 1900—1905 гг., ч. II, стр. 198.

²⁶ ЦГВИА СССР, ф. 400, д. 102, л. 87.

Сахарову было разрешено «освободить от работы всех политически неблагонадежных»²⁷.

На бастующих обрушился град репрессий. К тому же экономическое положение их стало крайне тяжелым, и 3 декабря, по решению Центрального стачечного комитета, забастовка была прекращена.

Продолжавшаяся свыше двух недель ноябрьская стачка обнаружила рост революционного духа, политической сознательности и сплоченности рабочих и солдат края, показала общность их интересов. Во время этой забастовки особенно ярко проявилось значение стачечных комитетов как органов революционной власти. В таких городах, как Ташкент, власть почти полностью перешла в руки стачечных комитетов, в ведении которых находились железная дорога, почта и телеграф. Помимо железнодорожников, рабочих и служащих промышленных предприятий и учреждений (всего свыше 50 000 человек), в ноябрьской стачке принимали участие многие солдаты железнодорожных батальонов и местных гарнизонов.

Широкий размах революционного движения в октябре-ноябре 1905 г. позволяет считать эти месяцы кульминационным пунктом развития революционного движения в крае. Не случайно в «Извещении о созыве 1-ой конференции Туркестанских организаций РСДРП» (июнь 1906 г.) отмечалось, что революционные события в эти месяцы «дали нашим организациям возможность прочно стать на ноги и стянуть вокруг себя почти весь местный пролетариат».

В то же время ход событий убедительно показал, что стачечная борьба только ослабляет царизм и заставляет его пойти на некоторые уступки, которые коренным образом не меняют ни политического, ни экономического положения трудящихся. Только вооруженное восстание могло опрокинуть ненавистное иго самодержавия.

Революция 1905—1907 гг. пробудила народные массы Туркестана к активной политической жизни, вызвала резкое усиление их борьбы за свое социальное и национальное освобождение. Эта борьба неуклонно росла с развитием общероссийского революционного движения. В ходе ее складывается и крепнет боевой союз русского пролетариата с узбекскими трудящимися под руководством ленинской партии большевиков, явившийся главным, решающим фактором победы Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане.

Е. А. Деева

²⁷ Там же, л. 81.

КНИГА О ДРЕВНИХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЯХ
В УЗБЕКИСТАНЕ

История древних оборонительных сооружений в Узбекистане не была еще предметом специального изучения, хотя по этому вопросу имеются различные упоминания и суждения в работах советских ученых-востоковедов — С. П. Толстова, А. Ю. Якубовского, М. Е. Массона, А. Н. Бернштама и др. Особенно недостаточно изучены оборонительные стены, следы и развалины которых сохранились до наших дней в различных районах Средней Азии. Поэтому весьма отрадным фактом является выход в свет работы Х. Мухамедова «Из истории древних оборонительных сооружений в Узбекистане»¹.

Данная работа написана на основе литературных и арабско-персидских письменных источников и полевого материала, собранного и обработанного самим автором. В ней делается попытка вкратце систематизировать имеющиеся в историко-археологической литературе данные об оборонительных стенах в Средней Азии, особенно в Узбекистане, и содержится немало новых, еще не известных в науке сведений.

Во вводной части, занимающей почти треть книги, дается краткая историческая характеристика появления земледельческих оазисов в Средней Азии и проблемы их обороны. Автор делает здесь основной упор на историю политических событий, причем изложение их неполное увязывается с вопросом об оборонительных сооружениях. Отсутствие логической связи между этими проблемами не позволило автору тлуже раскрыть сущность вопроса, и создается впечатление, что приведенное в книге конспективное изложение общеизвестных политических событий из истории Средней Азии является излишним.

Во вводной части дается также весьма бедная историографическая характеристика источников и литературы по теме.

Остановливаясь на причинах появления оборонительных стен, автор отмечает, что

¹ Х. Мухамедов, *Узбекистоннинг қадимий муҳофаа иншоотлари тарихидан* (Эрамизнинг олдинги III асридан бошлаб эрамизнинг X асригача), Тошкент, УзССР ФА нашриёти, 1961, 102 стр., с рис. и картами.

некоторые исследователи считают, что эти стены были воздвигнуты для защиты земледельческого населения от набегов кочевников; другие утверждают, что, кроме того, они защищали оазисы от кочующих песков; третьи полагают, что стены строились вокруг каждого феода для обороны от соседних феодалов в период частых смут или же по иным социальным причинам. По мнению Х. Мухамедова, оборонительные стены создавались главным образом для защиты от нападений и вмешательств кочевников во внутривнутриполитическую жизнь земледельческих оазисов.

На наш взгляд, мнение автора является наиболее правильным, что подтверждается как письменными источниками, так и политическими событиями того периода.

Наиболее ценными в книге Х. Мухамедова являются ее последующие разделы. В разделе «Садди чин» он бегло знакомит узбекского читателя с историей оборонительных стен, существовавших в различных странах в разные эпохи, в частности Великой Китайской стены, древних стен в Римской империи и других странах Европы, в Иране, на Кавказе, в Киевском и Московском государствах. Следующие разделы посвящаются отдельным оборонительным стенам, сооруженным на территории Средней Азии, особенно Узбекистана, в период от III в. до н. э. до X в. н. э.

Самой древней из среднеазиатских стен, как пишет автор, является стена Антиоха Сотера, воздвигнутая в III в. до н. э. вокруг древнего Мервского оазиса. Она была обследована археологом С. А. Вязигиным. Автор вкратце описывает также развалины стены «Чим девори», сооруженной вокруг древнего земледельческого оазиса в районе Шахрисябза и Кеша (Китаб), и остатки стены «Пироста девори» в районе Нураты.

Интересные сведения приводятся о стене «Девори киямат», окружавшей земледельческие поселения вокруг Мараканды. Это сооружение изучал еще в 1903 г. археолог В. Л. Вяткин, составивший даже план стены. По мнению М. Е. Массона, она была создана в I в. н. э., когда наблюдался расцвет Самарканда, а впоследствии неоднократно реставрировалась.

В работе содержатся весьма ценные данные о древних стенах, широко известных

среди местного населения под названием «Канпир девор». Такие стены имелись в районе древнего Согда, Усурушаны (впервые обнаружены автором книги в 1959 г.), Ферганы, Ташкентского и Бухарского оазисов. Большинство их было известно науке и ранее, но не подвергалось специальному исследованию. Лишь в последние годы, благодаря систематическим археологическим работам Института истории и археологии АН УзССР при постоянном участии автора, удалось восстановить контуры многих из этих древних сооружений.

Особенно детально исследованы Х. Мухамедовым развалины стены «Канпирак девор» вокруг Бухарского оазиса, описанию которой отводится значительное место в рецензируемой книге. Опираясь на сведения средневековых авторов (Наршахи, Ибн Хордадбега, Кудама, Ибн ал-Факиха, Истахри, Ибн Хаукаля, Самани, Масуди и др.) и данные археологических исследований, Х. Мухамедов попытался восстановить историю сооружения и контуры бухарского «Канпирак девор». Выяснилось, что стена была сложена в основном из глины (пахса), а местами из сырового кирпича (36 × 23 × 10, 37 × 28 × 10, 39 × 21 × 8 см и т. д.) и нередко в два ряда. Длина стены доходила до 400 км, высота достигала около 8—10 м, а ширина у основания — 12—14 м. Она представляла собой сложное фортификационное сооружение, на котором имелись сигнальные башни, а с внутренней стороны находились многочисленные крепостные и другие сооружения (дошедшие до нас в виде холмов).

По словам автора, «Канпирак девор» была построена до арабского нашествия. Однако, ссылаясь только на данные Наршахи и других авторов, Х. Мухамедов ограничивается общими суждениями о времени появления этой стены. Ему не удалось полностью использовать для ее датировки археологические данные, что объясняется, вероятно, недостаточностью проведенных им исследований в этом направлении. Поэтому, как пишет автор, «пришлось для выяснения времени сооружения Канпирак девор взять в основу лишь сведения, имеющиеся в письменных источниках» (стр. 87).

Попытка автора (стр. 72—73) объяснить этимологию термина «Канпирак девор» производным от персидского «Девори Канди-пирак» («стена древней провинции») лишена смысла. Для подтверждения своих предположений он ссылается на ряд средневековых источников, где встречаются аналогичные толкования. Но автор не всегда последователен в своих положениях, и потому как в отношении датировки стен, так и в пояснении отдельных названий оборонительных сооружений, в частности «Канпирак девор», мы находим в работе некоторые противоречивые мнения.

В книге имеются и другие недостатки. При описании наиболее ранних периодов истории Средней Азии автор дает примитивные и порою наивные формулировки. Неубедительно показан период разложения первобытно-общинного строя и зарождения классовых рабовладельческих отношений. Этот важный и сложный социальный процесс характеризуется в работе тремя предложениями: «В результате развития производительных сил стало возможно продуктами труда одного человека содержать несколько человек (!). В этот период члены первобытных общин жили за счет труда захваченных в войнах в плен людей, которых использовали в земледелии, требуя меньшего труда (!). В результате появляется рабовладение; ныне общество опирается главным образом на труд рабов» (стр. 6).

Такие примитивные и к тому же ошибочные толкования важнейших вопросов особенно недопустимы в популярных изданиях, ибо они могут дезориентировать неосведомленного читателя. Разве автору не известны четкие и ясные марксистские положения о причинах разложения первобытно-общинных отношений? И неужели автор действительно считает, что земледелие для первобытного человека было занятием, «требующим меньшего труда», чем собирательство или охота? Подобные парадоксальные утверждения встречаются и в других местах книги (стр. 11, 94—95 и др.).

Автор неправильно проводит аналогию между двумя различными культурами — кельтеминьской и суярганской (стр. 5). Не следовало также категорически утверждать, что в период Кушанской империи в Средней Азии буддизм был государственной религией (стр. 14), ибо в исторической науке по этому вопросу еще нет единого мнения.

Ряд положений и высказываний автора остается неясным. Надо было, например, разъяснить сущность тактики «жильврез» и «тулгома», применявшихся кочевниками во время набегов на оазисы, а не ограничиваться простым упоминанием их (стр. 31), поскольку это связано с оборонительными сооружениями. Недостаточно дать общие указания об отдельных раскопках работ, как это часто делает автор (стр. 42 и др.); надо было подробно охарактеризовать их результаты. В работе встречаются и отдельные повторения (напр., на стр. 6 и 8, стр. 72 и 74).

Но несмотря на указанные недостатки, которые сравнительно легко устранимы, мы считаем желательным издание этой книги и на русском языке для ознакомления широкого круга специалистов с содержащимися в ней новыми материалами о древних оборонительных сооружениях в Узбекистане.

И. Джаббаров

ПАМЯТИ ГЕНИАЛЬНОГО СЫНА РУССКОГО НАРОДА

В ноябре 1961 г. трудящиеся Узбекистана вместе со всем советским народом широко отметили славный юбилей — 250-летие со дня рождения гениального ученого, основоположника русской науки, поэта и писателя М. В. Ломоносова.

22 ноября в Зале заседаний Верховного Совета УзССР состоялось торжественное заседание общественности г. Ташкента, посвященное этой знаменательной дате. О великих заслугах М. В. Ломоносова перед Родиной и человечеством говорили академики АН УзССР Х. М. Абдуллаев, Гафур Гулям, Т. Н. Кары-Ниязов, И. М. Муминов, Т. А. Сарымсаков, С. В. Стародубцев, С. Ю. Юнусов, член-корр. АН УзССР В. П. Щеглов, доктор филол. наук Г. А. Абдурахманов. В заседании приняли участие ученые Москвы, Ленинграда и ряда других городов страны.

18 ноября проходило совместное расширенное заседание Ученых Советов институтов философии и права, истории и археологии, языка и литературы, востоко-

ведения АН УзССР, на котором с докладом «Великий ученый-энциклопедист, основатель русской материалистической философии» выступил канд. филос. наук В. Ф. Самышкин.

Широко откликнулись на юбилей М. В. Ломоносова научные сотрудники Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР. Многие из них выступили в печати со статьями, посвященными памяти М. В. Ломоносова. Ряд докладов о жизни и творчестве М. В. Ломоносова был заслушан на лингвистических семинарах славистов, еженедельно проводимых при Институте языка и литературы.

Советский народ свято хранит в своей памяти имя великого сына России — Михаила Васильевича Ломоносова, гениальное творчество которого навеки вошло в сокровищницу русской и мировой науки и культуры.

А. К. Воротникова

В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ АН УзССР

28 ноября 1961 г. на заседании объединенного Ученого Совета Отделения общественных наук АН УзССР состоялась защита диссертации В. А. Шишкиным на соискание ученой степени доктора исторических наук. Представленная им к защите диссертация «Варахша (опыт историко-археологического исследования)» является результатом многолетних работ, проведенных автором в Бухарской области. Бухарский оазис, сыгравший большую роль в истории Средней Азии, до последнего времени был еще мало изучен в историко-археологическом отношении, и этот пробел в исторической литературе восполняется работой В. А. Шишкина.

Изучением Варахши и Бухарского оазиса В. А. Шишкин разрешил целый ряд проблем истории ирригации, земледелия,

архитектуры и искусства. Особенно большое значение имеет исследование всемирно-известных настенных росписей и резного штуча из Варахшского дворца.

В работе В. А. Шишкина решается также ряд социально-политических вопросов из истории народов Узбекистана.

Работа получила высокую оценку в отзывах официальных оппонентов — члена-корр. АН УзССР Я. Г. Гулямова, акад. АН УзССР К. Е. Житова, доктора ист. наук А. Х. Бабаходжаева, а также в многочисленных устных и письменных отзывах крупнейших специалистов страны, занимающихся историей, археологией и искусством Средней Азии.

Л. И. Альбаум

МУНДАРИЖА

Х. С. Сулаймонова. КПСС XXII създи қарорлари муносабати билан социалистик қонунчиликнинг янада мустақамланиши	5
Е. М. Гринберг. Улуғ рус энциклопедист олими	12
А. Х. Бобоҳўжаев. Турк халқининг Антанта интервенциясига қарши олиб борган озодлик кураши йилларида Ўрта Осиё ва Туркия	20
М. И. Йўлдошев. Орол флотилияси тарихига доир	30

Илмий ахборот

М. П. Новиков. Туркистон АССРда 1921—1922 йилларда ўтказилган ер-сув ислоҳоти ва унинг тарихий аҳамияти	40
А. Уролов. Улуғ рус халқининг Бухоро Халқ Совет Республикаси мадания- тининг ривожланишига кўрсатган ёрдами ҳақида	45
Е. А. Деева. Туркистонда 1905 йилги ноябрь сиёсий стачкаси тарихидан	49

Илмий ахборот

И. Жабборов. Ўзбекистондаги қадимий муҳофаа иншоотлари ҳақида ёзилган китоб	53
--	----

Хроника

А. Қ. Воротникова. Рус халқининг гениал фарзандини хотирлаш	55
Л. И. Альбаум. ЎзССР ФА Тарих ва археология институтида	55

СОДЕРЖАНИЕ

Х. С. Сулайманова. Дальнейшее укрепление социалистической законности в свете решений XXII съезда КПСС.	5
Е. М. Гринберг. Великий русский ученый-энциклопедист.	12
А. Х. Бабаходжаев. Средняя Азия и Турция в годы освободительной борьбы турецкого народа против интервенции Антанты.	20
М. Ю. Юлдашев. К истории Аральской флотилии.	30

Научные сообщения

М. П. Новиков. Земельно-водная реформа 1921—1922 годов в Туркестанской АССР и ее историческое значение.	40
А. Уралов. О помощи великого русского народа в развитии культуры БНСР (1920—1924 годы).	45
Е. А. Деева. Из истории ноябрьской политической стачки 1905 года в Туркестане.	49

Критика и библиография

И. Джаббаров. Книга о древних оборонительных сооружениях в Узбекистане.	53
---	----

Хроника

А. К. Воротникова. Памяти гениального сына русского народа.	55
Л. И. Альбаум. В Институте истории и археологии АН УзССР.	55

Технический редактор *Х. У. Карабаева*

Р03501 Сдано в набор 11/XII-1961 г. Подписано к печати 3/I-1962 г. Бумага 70×108¹/₁₆ = 1,75 бум. л. 4,80 печ. л. Уч-изд. л. 5,15 Изд. № 400/61 Тираж 960 экз. Цена 40 к.

Типография Издательства АН УзССР, Ташкент, Хорезмская, 9. Заказ 1337.
Адрес Издательства: ул. Куйбышева, 15.

Цена 40 к.